Иван Будист

Invider

Печати 1 и 2

Иван Будист

Invider. Печати 1 и 2

«Издательские решения»

Будист И.

Invider. Печати 1 и 2 / И. Будист — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830739-3

Девушка Полина ничем не отличается от нас с вами. Учёба в институте, молодая семья, рутина повседневных дел… Но у неё, как и у многих, есть свои секреты. Беспечно лазая по просторам интернета, она сталкивается с силой во много раз могущественнее неё, и которая сможет разрушить её житейский комфорт. Но какие цели преследует сила? Какую роль в жизни Полины сыграет она, и какую роль в жизни этой силы сыграет Полина? Итак, тёплой летней ночью Полина оказывается в гуще невероятных событий…

ISBN 978-5-44-830739-3

© Будист И.
© Издательские решения

Содержание

Слова благодарности 6
Предисловие от автора 7
Пролог 8
Ночные бдения 9
Об опасности неизвестных контактов 18
Берт Уоллес 25
Самико Идзуко 32
Странный сон 39
Мануэль Гонсалес 46
Уроки логики 56
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Invider
Печати 1 и 2
Иван Будист

© Иван Будист, 2016
© Андрей (Jama) Кокорев, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-0739-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слова благодарности

Хочу выразить благодарность Андрею Кокореву (Jama) и Алексею Щербе. Без их ценных советов эта книга никогда бы не появилась на свет. Особую благодарность хочу выразить Любови Евсюковой за помощь в работе над книгой.

Предисловие от автора

Я – шутник; это всё – небылица.

Пролог

Они стояли и смотрели вверх, задрав головы. Молчали. Дневной монотонный шум транспорта давно стих, проспект засыпал, изредка напоминая о себе быстро проносящимися по пустой трассе автомобилями.

Наконец, длительное молчание нарушилось:

– Петрович, что делать будем?

Его напарник, оскалился, почесал затылок:

– А ничего не будем.

– Как ничего? Совсем ничего? А ежели это самое… того?

– Чего того? Ты на часы смотрел? Полпервого ночи. Кто тут поедет? Сейчас электрикам сообщим, пусть приезжают, чинят. Мы ж не спецы.

– А что там такой… может быть?

– Да чёрт его знает… Что-то с электроникой, наверное. Замкнуло лампу… Цвет изменился… Да я не электрик, откуда мне знать?

– Петрович, может, аварийку поставить? У нас в кузове есть…

– Слушай, Анвар, мы с тобой – простые дорожные рабочие, наше дело, вон, асфальт проверять. А этим пусть соответствующая служба занимается. Служба, говорю! Соответствующая. А то, знаешь, поставим, а потом, и, правда, вдруг чего… Так на нас все шишки и полетят. Не знаешь что ли?

– Ты предлагаешь по-тихому свалить?

– Предлагаешь… Разумеется. Блин, ну ты как вчера родился, честное слово, Анвар! Да пойми: время позднее, с боковой улицы никто не поедет, все спят давно, да и проспект уже спит… А через час монтёры будут тут, всё починят. Делов-то…

– Думаешь?

– Думаешь… Всё, пошли. Сейчас на пульт скину аварийный сигнал, пусть сами тут разбираются… Фу, чёрт, совсем дышать нечем… Слушай, а у вас в степях тоже такая духота летом?

– Духота есть… Но не такой…

Оба они направились к припаркованной «Газели» с открытыми бортами, маркированными в цвета дорожно-ремонтной службы.

Их провожал взглядом двух своих зелёных глаз одинокий светофор, стоящий на пересечении проспекта и небольшой тёмной улицы…

Ночные бдения

Невероятно жаркое и сухое лето подходило к концу. Москва тяжело вздыхала после изнурительного зноя, откашливалась от удушливой гари лесных пожаров и с надеждой смотрела в будущее, ожидая спасительного циклона из Европы. Наступающие сутки, скорее всего, мало отличались от суток минувших, за тем исключением, что именно в этот день несколько лет назад, если верить конспирологам, произошло событие, едва не погрузившее нашу планету в молчание для пытливых исследователей из ближнего и дальнего космоса. Случись это тогда, наша история вряд ли бы появилась на свет. Впрочем, речь пойдёт не об этом.

Столица ложилась спать. Дороги становились свободнее, а время позднее. По ночному московскому проспекту быстро летел грузовик. С прицепом. Скорость превышалась, светофоры по возможности игнорировались, настроение водителя стремительно портилось. Он изрядно устал, но до базы оставалось добрых двадцать минут езды. Злость и обида всё больше переполняли его.

Лёня работал в одном из автопарков частной компании и занимался тем, что перевозил на своей фуре всякую нужную в ремонте и на стройках ерунду, вроде профнастила, оргалита, поликарбоната, рубероида, толя, цемента, гудрона, олифы, лака, огнебиозащиты и прочих строительных и сопричастных к стройке и ремонту вещей. Лёня, конечно, любил свою работу, но не всегда работа любила его. Вот и сейчас он, нервно дёргая руль, бубнил себе под нос:

– Ездишь по ночам, не спишь толком… А зарплату? Ага, карман держи шире! Унижаешься всегда… Куда, в какой кабинет не войдешь, везде унижаешься! Везде ты во всём виноват! Все честные работяги своим трудом зарабатывают! А эти только и делают, что на твоём горбу хотят в дамки выехать! Хмыри кабинетные…

Мимо пролетали фонари, бросающие на ночной асфальт свои интимные отсветы. Редко проносились по встречной одинокие автомобили. С рёвом промчались, обгоняя грузовик, несколько мотоциклистов.

– А, чёрт! – выругался водитель. – Чтоб вас…

Он чуть сбавил скорость, дабы мотоциклисты унеслись как можно быстрее и лучше навсегда.

Навстречу грузовику яркой полосой перечеркнул пятнистый от фонарей сумрак ночного шоссе спортивный кабриолет. Лёня успел заметить за рулём молодого парня в красной рубашке и двух девиц на заднем сидении. Одна держала в руках бутылку шампанского, вторая, подняв руки, что-то кричала, пытаясь, вероятно, подпевать в такт ухающему сабвуферу.

– Хорошая тачка… У, суки… – ядовито прошипел водитель, – гуляют, дармоеды чёртовы… Тут вкалываешь через сутки, не высыпаешься… А эти? Только и могут, что гонять на своих тачках… да по клубам шляться… Да наркоту всякую жрать… Папаша всё купит! Проститутки чёртовы…

Уровень ненависти поднимался в Лёне неукротимым девятым валом. Его лицо всё сильнее принимало недобрый звериный оскал, обнажая два золотых зуба – следствие давнишней истории с украденным на вокзале чемоданом и последовавшим затем сроком. Его раздражало всё.

Он нервно переключал на светофорах передачи, матерился, сплёвывал в окно, продолжая ехать до своей базы и надеясь поскорее отчитаться о доставленном грузе, в том числе и о дорогущем сайдинге цвета светлого дуба. Затем лечь спать в помещении для водителей и забыться.

Лёня был зол. Нет, он был очень сильно зол!

Во-первых, его за сегодняшний день трижды оскорбили.

Во-вторых, он купил два лотерейных билета, которые, как ни странно, оказались проигрышными.

В-третьих, жена Лёни закатила ему утром скандал, уже только одним этим испортив настроение на весь день. Но обвинения были беспочвенными. В-четвёртых, начальник заявил ему, что зарплату задерживают на неделю.

Наконец, в-пятых, сотрудник организации, призванной регулировать транспортный поток на дорогах, снял с Лёни штраф за неисправность левой габаритной фары на прицепе, хотя Лёня посчитал это самым вопиющим произволом.

И вот теперь каждый раздражающий фактор лишь подливал масла в огонь Лёниной ненависти.

Зазвонил телефон.

– Что ещё за чёрт! – выругался Лёня. – Олё!

– Леонид? Это Виктор Геннадьевич. Нам вас когда ждать, если не секрет?

– Да еду я уже! – огрызнулся Лёня. Да, он опаздывал почти на три часа, но на то имелись серьёзные причины.

– У нас договор с заказчиком на семь утра…

– Через пятнадцать минут буду! Меня задержали на погрузке, там какой-то балбес напился и никак не мог накладные правильно оформить…

– Леонид, я всё понимаю, но это уже не в первый раз.

– Да не причём я! – заорал Лёня. – Что вы хотите? Сами знаете, как со складскими работать!

– Вы на меня голос не повышайте. Водителей, хороших водителей, много, они работу стоя в очереди ищут. Подумайте об этом.

Внутри Лёни вскипала ярость. Ненависть ко всему белому свету заполняла его, зашкаливала, готова была вытекать через край чаши терпения.

– Это всё? – скрежеща зубами, выдохнул Лёня.

– Всё. Считайте это последним китайским предупреждением. Если ещё раз с вашей стороны не окажется веских оправданий ваших задержек, а карту пробок мы и сами прекрасно видим, почти ноль, так вот, если с вашей стороны отношение к работе не изменится, я буду вынужден вас уволить!

Раздались гудки.

Лёня швырнул телефон на сидение справа и поддал газу. Грузовик взревел и понёсся дальше, заметно превышая допустимую скорость…

Примерно в это же время в другой части города молодая девушка по имени Полина отметила для себя, что ей пора подниматься. Её ждала ночь. Часы, стоящие на тумбочке в спальне, показывали на своём синем табло время позднее. А именно, 1:05.

Полина осторожно встала с постели. Её муж Артём крепко храпел, чему после стандартной и порядком приевшейся за три года процедуры выполнения супружеских обязанностей сильно поспособствовал бокал «белой лошади».

«Ты спишь с белой лошадкой, а я буду спать с чёрной!» – подумала Полина и улыбнулась. Она вышла из спальни в коридор и тихо прикрыла дверь. На самом деле, чёрной лошадкой в этот момент она считала сама себя.

Сев за стол, она включила компьютер. Пока он загружался, Полина смотрела в ночную даль: из окна их съёмной квартиры открывался обширный вид на промышленную зону и железнодорожную станцию. Но станция убегала в направлении взгляда. А поезда, проходящие через неё, казались неспешно ползущими червяками, пока с характерным шумом, не проносились мимо дома по тонкой лесополосе справа. Артём настаивал именно на высоких этажах, несмотря на то, что супруга хотела хотя бы временно поселиться где-то на тре-

тьем или четвертом, поскольку всю жизнь прожила на двенадцатом. Но выбор квартир в этом доме оказался не велик, а цена, учитывая отдаленность от метро, вынесла окончательный вердикт.

Старенький «Dell», наконец, загрузился, и Полина коснулась рукой мышки.

– Итак, начнём, – протянула она, щёлкнув на иконке удалённого доступа, дожидаясь, когда соединение установится. Затем последовала очередь браузера и «асечки», как ёрничая, называл её Артём. – Какое счастье, что мой муж ни черта не смыслит в компьютерах!

Действительно, Артём Николаевич стоял глубоко внизу на лестнице познаний в области информационных технологий. Будучи охранником продуктового магазина в районе метро «Отрадное», он вообще никак не сталкивался с компьютерами и не имел даже простенького коммуникатора. Полина же, наоборот, всегда увлекалась подобной техникой и теперь в их молодой семье она занимала место главного связного с окружающим виртуальным миром. И именно здесь, на просторах интернета она познакомилась с Игорем…

Когда ICQ-клиент, немного подумав, установил связь, Полина погрустнела: в списке активных пользователей Игоря в данный момент не оказалось. Из семнадцати персон в этот поздний час присутствовало четверо. Уходить, похоже, они в ближайшее время не собирались, поскольку, как и Полина, являлись завсегдатаями ночных виртуальных бдений.

Гор. Полный амбиций и нереализованных творческих планов дизайнер рекламщик, помешанный, ко всему прочему, на египетской культуре. Он знал всё о крокодилах, фараонах, иероглифах, пустынях, жуках-скарабеях, бедуинах, пирамидах, ассирийцах, ваххабитах, арабо-израильской войне и даже о ценах на водные виды отдыха в Шарм-эш-Шейхе. Очень гордился тем, что отдыхал в одном из его отелей во время теракта в июле две тысячи пятого года. Лично наблюдал, как эвакуировали раненых и даже смастерил какую-то социальную антитеррористическую рекламу, но, вернувшись в Москву, так и не сумел довести её до начальственного одобрения.

В миру Гора звали Венедиктом. С ним Полина познакомилась на выставке, куда её притащила школьная подруга, уверяя, что для будущего специалиста в области картографии, на которого и училась Полина, новые познания в рекламе окажутся как нельзя кстати.

Поначалу Веня пришёлся ей по душе: они успели сходить в кафе, прогуляться по Тверской улице, и даже покататься на лошадях. Но Полина в то время, хотя и любила развлечься, уже встречалась с Артёмом, и когда она поняла, что знакомство стремительно набирает обороты, решила осторожно отступить. Более того, прослушивание поначалу интересных, но потом утомительных лекций о деятельности Ахмада Ораби-Паши или о тонкостях военной службы мамлюков, неимоверно «грузили» Полину, перенося её в удушливый мир жарких песков, палящего солнца, жующих верблюдов и похотливых арабов.

Спустя две недели после знакомства их роман сам собой остыл, но Венедикт, будучи человеком интересным, остался в её контактном листе «на всякий случай».

Второй участник ночных бдений – Мирабэлла, а по паспорту – просто Мария. Брутальная лесбиянка с богатым сексуальным стажем, частый завсегдатай ночных клубов «для своих», любительница весьма разгульного образа жизни, сокурсница Полины по институту. Ничем особенно не выделяясь из общего потока студентов, училась она неплохо, но в конце второго семестра внезапно забросила учёбу, подстригла коротко волосы, проткнула правое ухо пятью кольцами и объявила, что её жизненные ценности изменились. После её отчисления Полина продолжала поддерживать с ней связь: они встречались, чтобы поболтать и выпить по коктейлю, пару раз сходили в кино, а один раз даже поцеловались. Но, не смотря на все эти манипуляции, Полина чувствовала себя очень скованно в компании с активной лесбиянкой, она боялась необычных сексуальных экспериментов, и поэтому их общение так и осталось на уровне дружбы.

Полина хотела написать ей своё стандартное «hi!», но её опередил Wiper:

«Смотрела прорыв?»

– Что за манера начинать общение без приветствия! – буркнула Полина и застучала клавишами:

«Какой ещё прорыв?»

«Как какой? Фильм про то, как в Питере плывун прорвался… Да старый он, года 87 что ли…»

Полина, конечно же, не смотрела этого фильма. Но, будучи истинной дочерью своего времени, она вместо ответа быстро полезла в Википедию. Менее чем через полминуты ответ был готов и отправлен:

«А, вспомнила, фильм-катастрофа про то, как тоннель строили через подземную реку. Только он 86 года, а не 87. Там ещё Краско молодой».

«Ну, да, типа того! Так вот, ты представляешь, у нас сегодня нечто похожее было! Мы проход делали, а тут как вода польётся из стены! Кошмар!»

Wiper, а точнее, Денис, работал проходчиком и обитал где-то глубоко в строящихся тоннелях города. Его длинные рассказы подобно тоннам выкопанной породы сыпались из окошка диалога и со стен социальных сетей. Он мог без остановки писать о своей работе, где главными персонажами блистали рельсы, отбойные молотки, каски, портвейн, земля, начальник смены Николай Игнатьевич, какие-то «сводка и разводка», таинственные переходы, древние стены, тьма неизведанного и сакральные откровения деда Митрича, работающего в метрострое ещё со времен начала строительства, и знающего всю правду о подземельях Кремля и не только.

Полина с трудом читала эти прорывы сознания, потоками изливающиеся с экрана, и частенько оставляла сообщения Дениса без ответа. На том конце это, похоже, никого не смущало, и потоки продолжались до тех пор, пока кто-то третий не осмеливался вступить с ним в переписку. С этого момента важно было ни в коем случае ничего не писать Денису: он временно забывал о Полине и мог вообще больше ничего не написать до её выхода из сети. К счастью, Денис не всегда бывал в интернете по вечерам и ночам: из всей этой четвёрки он один имел сменный график.

Дениса Полина встретила в вагоне метро, когда после какой-то сильнейшей попойки в честь Хэллоуина, возвращалась домой из студенческой общаги. Он же возвращался домой после смены, тоже слегка в подпитии и, увидев хмельную девушку, предложил проводить её до дому. Полина сперва начала отказываться, но быстро выяснилось, что Денис культурный и общительный парень, и предлагает ей помощь из чисто гуманных соображений. Поскольку наступало утро, Полина не стала долго «ломаться»: в итоге они похмелились, прогуляли целый день и расстались далеко за полночь у её дома на «Авиамоторной», где она тогда жила с родителями. Их связь продлилась около трёх месяцев, они успели несколько раз переспать, а один раз даже спуститься вместе в строящийся тоннель. Не смотря на чисто рабочую специальность, Денис обладал широким кругозором, но частенько его разговоры касались суеверий и прочих тайных знаний, полученных из сомнительных источников. Именно это и стало причиной их расставания, так как Полина крайне негативно реагировала на всё сверхъестественное. К тому же она уже встретила Артёма, с которым чувствовала себя более комфортно.

Дабы не беседовать «на два фронта», Полина не стала ничего писать Маше, решив подождать, пока Денис переключится на другую жертву. Ему же она коротко ответила: «Вот так да!», переключив своё внимание на четвертого персонажа ночных посиделок.

Лёха. Ни много ни мало – заведующий отделом продаж на плодоовощной базе. Полина звала его «картофельным папой», «сеньором помидором», «властелином горошка», «повелителем огурцов» и ещё десятком нелепых названий, связанных с овощами, фруктами, ягодами, пряностями и грибами. Впрочем, последними, по словам Лёши, он не занимался.

Вообще, Лёша представлял собой типичного лоботряса, который, тем не менее, умел выкрутиться из любой, даже самой сложной ситуации. Наверное, именно поэтому он и дорос в свои двадцать шесть до менеджера, благоразумно рассудив, что тягать клетки с морковью и капустой от ворот к грузовику – не самое перспективное занятие в жизни. Он, также как и Мария, «вылетел» из института, протянув, однако, до середины второго курса. Ко всему прочему Лёша был единственным в группе, кто поступал в вуз, успев отслужить в армии.

Это именно он впоследствии посоветовал Полине с мужем снимать жильё в районе железнодорожной станции Бескудниково, где по его словам «цены ещё хоть как-то виднелись из-за горизонта, пугливо высовывая оттуда свои нули и всматриваясь в потенциального квартиросъёмщика». К тому же Лёша заверил Полину, что проблем с овощами у них не будет, так как на базе организованы различные варианты доставки товара до конечного пользователя. «Для молодой семьи недорогие овощи и фрукты ох как нужны, я гарантирую это, а на нашей базе тысячи их!» – шутил он.

Лёша был интересным собеседником, никогда не умничал, часто подшучивал, а главное, интересовался овощеводством как таковым. Благодаря этому факту Полина узнала такие новые слова, как питахайя, маракуйя, гренадилла и черимойя. И что курага и изюм, оказывается не отдельные представители мира фруктов, а лишь варианты приготовления уже существующих. Кроме того, один раз ей даже довелось попробовать вместе с Лешей рамбутан, оказавшийся на базе в количестве пяти сверхсекретных упаковок для эксклюзивного бутика. В своей речи Алексей использовал большое количество интернет-словечек, из-за чего Полина не всегда его понимала. Сейчас он молчал и находился в режиме «отошёл».

«Наверное, редиской хрустит или огурчиком», – подумала Полина.

Она зашла в «Фейсбук», проглядела последние сообщения своих друзей и, не найдя ничего особенно интересного, вновь переключилась на контакт-лист ICQ-клиента. Откинувшись на спинку кресла, она смотрела на своих немых, но при этом вполне разговорчивых собеседников.

«С каждым из них у меня было что-то особенное, – размышляла она. – И всё это особенное случилось по одному разу. Я один раз в своей жизни каталась на лошадях, один раз целовалась с женщиной, один раз спускалась в забой метро и один раз…»

Это случилось уже при Артёме, но Полина не любила ставить мужа в известность относительно своих развлечений. Жарким летним днём, они вместе с Лёшей ездили на его базу. Полине хотелось взглянуть на филиал «закромов родины», как она называла плодоовощную базу, на стоящие там ящики и контейнеры с дарами земли, прогуляться по подъездным железнодорожным путям и, вообще, окунуться в мирок, столь не похожий на её жизненные ареалы обитания.

Но база встретила её в штыки. Шелуха от лука, пыль, неприятный запах подгнивших овощей, матерщина рабочих, и всё это на фоне сильной жары не вызвали у девушки положительных эмоций. Также ей было непонятно, почему помещения, где хранятся овощи, не вентилируется. Лёха заметил, что у них и так отовсюду дует, и что нет смысла чинить вентиляцию, тратя лишние деньги. Ответ показался Полине логичным.

Но самое интересное их ждало впереди. Зайдя в какую-то подсобку – «коморку папы Карло», как почему-то обозвал её Лёша, Полина увидела стоящий там небольшой контейнер с бананами, обтянутый полупрозрачным материалом.

– Это бананы! – гордо заявил Лёша. – А знаешь откуда?

Полина не знала.

– Из Центральной Америки!

– Из какой-нибудь… Колумбии?

– Нет, эти из Бразилии.

– Это же Южная Америка!

– Они из северных регионов, так что будем считать, что чуть более чем наполовину это всё-таки Центральная Америка.

– Ну, хорошо, а что они тут делают? Ты меня собрался ими угощать?

– Разумеется.

– Лёш, я что, по-твоему, бананы никогда не ела? – засмеялась Полина.

– Это ж не простые бананы, это «Леди Фингер»! Они несколько меньшего размера, чем обычные, и, на мой взгляд, гораздо вкуснее них. Не знаю, как они попадают к нам на базу, но это уже третья партия за последний месяц. Я специально выбил коробочку через Галину…

Он подошел к контейнеру и, достав нож, стал аккуратно разрезать полупрозрачный материал. Закончив с ним, он вытащил целую ветку, и хотел было достать ещё одну, но вдруг замер.

Полина подошла к нему и заглянула в контейнер. На самом его дне под ветками бананов лежало что-то белое.

Полина не сразу догадалась, что это пакет с белым порошком, но Лёха понял мгновенно. Он быстро взглянул на подругу и сказал:

– Вот это подарок… Кажется, мы влипли. – Он машинально оглядел «коморку», хотя кроме них в ней никого не находилось.

– Это что, плесень? Бананы подгнили?

– Это пакет с веществами, Поли.

– С какими веществами? Против насекомых-вредителей, что ли?

– Да, против насекомых, только не тех, которые с лапками и крылышками. Ты что, не понимаешь? Это ж пакет с наркотой, в рот мне галстук! Самая настоящая и не иллюзорная контрабандна! Чего теперь делать-то?

Полина помолчала, осознавая ситуацию.

– Может, стоит отдать обратно этой… как ты её назвал… Галине…

– Ты с ума сошла, она ж не в курсе! Она получает тысяч двадцать, ну, обычными, без левака… Только пальцами не дотрагивайся до него!

Лёха задумался. Взглядом он напоминал в тот момент Ломоносова, смотрящего куда-то вверх и вправо во время написания очередного труда, например, о «движении газов, в рудниках примеченном», что запечатлено на известной гравюре. Он принялся ходить по комнате взад и вперед, что-то бормоча себе под нос. Подскочил к двери, защёлкнул задвижку. Снова принялся ходить, пока, наконец, не остановился. Взглянув на Полину, он быстро сказал:

– Надо всё запаковать, как было и сказать, что я передумал, что не буду брать по такой цене… Да и вообще, не хочу я сейчас бананы… Материал контейнера сильно не пострадал, и найти его не сложно, это просто временная обёртка против лишней влажности и грязи. А ты… ты ничего не видела и ничего не знаешь, понятно?

Полина улыбнулась, сказала:

– К сожалению, у меня нет знакомых торговцев наркотиками, так что мне некому об этом рассказывать.

– Поли, кроме шуток, это очень серьёзно! Нас могут просто убить из-за этого!

– Да расслабься ты, никому я ничего не скажу. Я что, полная дура по-твоему?..

Вспомнив этот эпизод, Полина поёжилась. Тогда всё само собой затихло, Лёха к этой теме больше ни разу не возвращался, да и она сама не спрашивала. Впрочем, сейчас вся эта история казалась наивной, ненатуральной, какой-то придуманной, будто и не было её вовсе… Одним словом, обошлось.

«Серого чуть не свалило, когда дрезину двинули, он-то, дурак, на неё облокотился, а света толком не было, в общем, чуть ему ногу не оттяпало колесом!» – оказывается, это

сыпалось камешками букв уже шестое сообщение от Дениса, который продолжал с неудержимым напором рассказывать про аварию в строящемся тоннеле.

«Интересно, – подумала Полина, – по телевизору об этом расскажут?»

Она бегло прочитала пять предыдущих сообщений, но поняла, что ничего страшного не случилось: обычная встреча с грунтовыми водами, не желающими почему-то утекать в стороны при шуме надвигающегося роющего проходного комплекса.

Полина взглянула на часы, они показывали час пятьдесят. Надо было что-то съесть. Полина вообще частенько злоупотребляла едой на ночь, за что её регулярно ругал Артём, но на её фигуре это пока не отражалось. Она уже решила вставать и идти на кухню, как появилось новое входящее сообщение:

«Привет, дорогая. Не спишь?»

Это писала Мария. Она обращалась словом «дорогая» ко всем, в том числе и к мужчинам, к тому же, любила задавать вопросы, ответы на которые были в высшей степени очевидны.

«Нет, только недавно села, – отбарабанила Полина. – Хочу чего-нибудь перекусить, подождёшь?»

«Давай!» – коротко бросила Мария.

Полина поднялась, потянулась и тихо направилась на кухню, мимо громко храпящей двери спальной комнаты. Вообще, проблема храпа её мужа стояла столь остро, что выступала хорошим контраргументом во время упрёков в еде после десяти. Но поскольку реальных методов лечения обоих пагубных привычек пока не находилось, молодая пара обоюдно вздыхала и продолжала «снова храпеть как мерин» и «опять жрать на ночь».

Включив на кухне свет, став в позу «руки в боки», Полина взглядом властителя осмотрела свои владения. Холодильник, будто белая непреступная башня на вершине мира, олицетворял собой непокорный источник благоденствия и достатка. Лёгким, но уверенным жестом великого полководца, Полина коснулась его ручки и, вкушая сладость триумфа и звук победных труб, отворила врата изобилия, чтобы разделять и властвовать.

Но, разумеется, изобилие – понятие относительное, особенно в молодой семье, живущей на зарплату охранника магазина и стипендию (ну это вообще смешно) будущего геодезиста (откуда у них деньги на съёмную квартиру, читатель узнает чуть позже).

Итак, осмотрев внутренности поверженной башни, Полина вернулась с небес на землю. Ибо взору её представились:

1. Колбаса «Докторская», 400 граммов. Слегка подпорченная с одного конца, но это можно исправить, срезав тонкий кусочек. Полина любила бутерброды с колбасой, посыпая перед этим хлеб чёрным перцем, и уже в процессе их употребления откушивать хрустящие маринованные огурчики.

2. Сыр «Рокфор», дешёвый, но, тем не менее, столь же вонючий, сколь и его дорогие собратья. Хранится в тройной полиэтиленовой упаковке, плюс фольга. Присутствует тут только из-за склонности Артёма к нестандартной еде, где используется как ингредиент.

3. Яблоки, 3 штуки. Среднего размера, зелёные. «Химические», как говорит Артём. Сам он яблоки любил не сильно, но Полина не прочь употребить одно или сразу два за чтением какой-нибудь книжки.

4. Бананы, 2 штуки. Без сопутствующих порошков в пакетиках. И совсем не «дамские пальчики». И даже уже немного потемневшие. Казалось бы, с едой дефицит, а бананы портятся…

5. Литровый пакет молока начатый. Полина уважала молоко, но не всегда. Оно ей нравилось по утрам, когда утреннее солнце светит, выплывая из-за домов слева, а стакан холодного молока находится при этом в её руке. В этот момент душу радуют даже товарные поезда,

громыхающие через станцию. Более того, Полина находила в этом грохоте какой-то особый шарм.

6. Банка сайры. Наверное, они хотели варить рыбный суп, но для него недостаёт морковки. Надо бы написать Лёхе, чтобы подкинул.

7. Шпротный паштет. Ещё один представитель консервированной рыбы из рациона Артёма.

8. Пучок укропа, наверное, он тоже предназначался для рыбного супа. Полина всегда предпочитала рыбный суп из сайры, крупной картошки, крупной морковки и обязательно с укропом. Лук ни в коем случае не обжаренный, цельной луковицей.

9. Бутылка водки средней ценовой категории, наполовину пустая. Или наполовину полная. Артём всегда был категоричен в вопросах со спиртным и покупал его исключительно в супермаркетах, дабы «не нарваться на палево».

10. Помидоры свежие, 1 килограмм. Наверное, хотели делать салат с майонезом, тем более что…

11. Майонез, 500 граммов. Полина никогда не любила майонез в чистом, ну, или почти в чистом виде, а вот Артём порой не гнушался намазать его на хлеб и съесть. Полину слегка передёрнуло.

12. Яйца куриные, пять штук. О, да! Яичница с утра, да ещё с пожаренными колбасой и помидорами, и посыпанная перцем – это то, ради чего стоит вставать с постели. Но сейчас ночь, а не утро.

13. Масло, одна упаковка, едва начатая. Ну, куда уж без него? Жареный хлеб с маслом – тоже вполне себе еда, особенно, если иметь устройство, созданное исключительно для жарки хлеба. Делать это на сковороде Полина, хотя и умела, но не любила. Именно поэтому полгода назад и был приобретён китайский тостер.

14. Банка красной икры. Триумфальный финал скромного семейного Грааля, объект восхищения и фетиш на любой кухне. Наверное, она припасена здесь для первого сентября – начала учебного года. Пятый курс всё-таки, как такое не отметить? И остаётся-то – всего ничего: двадцать дней!

В итоге, Полина, изучив сей склад продовольствия, вздохнула и с лёгкой грустью в движениях извлекла из него колбасу. Немного постояв и посмотрев на прощание внутрь холодильника, она снова вздохнула, закрыв дверцу. Было понятно, что этой ночью она ограничивается бутербродами с варёной колбасой.

А мы с вами узнаём, что на дворе – самое начало 12-го августа 2010-го года.

Достав хлеб и чёрный перец, эти непременные атрибуты Полиных бутербродов, хозяйка кухни сделала себе сразу три кванта удовольствия. Конечно, исчислять бутерброды в квантах – чудовищная нелепость, но в каком-то запредельно философском смысле именно так оно и было в понимании Полины. Один бутерброд равняется одному кванту.

Но мысли о квантах уступили место другим, более насущным. Полина надеялась, что Игорь уже вошел в «аську», и она сможет, наконец, с ним поболтать.

Вернувшись в комнату (храп в спальне прекратился и сменился сопением), Полина поставила тарелку с бутербродами на стол, глянула в контактный лист. Игоря всё не было. Однако вместо него пришло четыре сообщения от Дениса и одно от неизвестного пользователя.

«Странно, – подумала Полина. – У меня же фильтры против спама стоят, и входящие настроены только от друзей…»

Порой случается так, что, не смотря на фильтры против рассылок, программы защиты от внешних атак, антивирусы и прочую надоедливую системную пакость, которая только отравляет жизнь рядового пользователя постоянными вопросами об обновлении и беспокой-

стве каких-то, там, портов, нет-нет, да и проберётся в недра компьютера шустрая шпионская программа или проползёт наглый «троянский червяк». Чего уж тогда говорить о постоянных атаках на клиенты мгновенной связи (к тому же оперирующих устаревшими протоколами), обладатели которых подвергаются таким атакам каждую секунду?

Обычно Полина сразу удаляла подобные контакты, поскольку понимала, что кроме «лёгкого заработка», «удлинения некоторых частей тела», «горячих нимфеток» и «дешёвых туров» ей всё равно ничего не предложат. Но сейчас вышло как-то совсем не так. Как-то совсем нетривиально. В данный момент она почему-то замешкалась и… не удалила контакт, а открыла его!

«Привет!» – коротко сообщалось в послании.

Об опасности неизвестных контактов

Как пользователь с немалым опытом, Полина первым делом посмотрела данные собеседника. Они сообщали следующее.

Имя: отсутствует.

Фамилия: отсутствует.

Ник: Invider.

«Да, Инвайдер, конечно… – ухмыльнулась Полина. – Наверное, закомплексованный студент побоялся вывесить анкету о себе на сайте знакомств, и теперь ищет подружку таким старинным способом».

Мысль о том, что это может быть банальный рекламный бот ей почему-то не пришла в голову.

Остальные данные этого, так называемого Инвайдера, оставались незаполненными.

Клиент Инвайдера немало удивил Полину. В соответствующем поле значилось: ICQ 2002/2003a.

«Надо же, я думала, таких версий уже и не осталось…» – Полина ещё раз посмотрела остальные разделы, но больше никакой информации об Инвайдере не нашла.

Игорь всё ещё отсутствовал.

«Вообще, в другой раз я просто удалила бы этот контакт… Но каким же образом он обошёл фильтр, к тому же опцию, запрещающую входящие сообщения не из контактного листа?» – Полина смотрела в монитор. В ней боролись обычная для неё осторожность и столь же обычное любопытство. И хотя шанс удалить этот контакт ещё оставался, желание понять, почему пользователь обошёл все расставленные силки и барьеры, победило.

«Привет! – набрала она. – Ты кто?»

Инвайдер ответил тут же, будто копируя заранее приготовленный текст:

«Ты ведь уже изучила мои данные. Как видишь, я немногословен в вопросах о себе. Но тебе скажу, что отныне я – твой самый интересный собеседник».

Полина улыбнулась. Подумаешь, какой франт… Она с ним говорит только потому, что Игоря ещё нет. А как он появится, Полина сделает стандартный приём: уйдёт в режим невидимки и станет спокойно разговаривать с тем, кого с таким нетерпением ждёт.

«Ну, а чем ты занимаешься?» – спросила Полина.

«Собираю людей, – быстро ответил Инвайдер. – Мой девиз: прежде всего – люди!»

«В каком смысле? Ты что, работаешь на кастинге?»

«Нет смысла уточнять, ты скоро сама всё поймешь».

«Ну, конечно. Загадки, тайны, интриги, расследования. По-моему, ты совершенно не тот, за кого себя выдаёшь».

«Откуда тебе знать? Во всяком случае, я ровно настолько тот, кем сейчас являюсь для тебя».

«Кем же ты являешься на самом деле?»

«Я – ловец человеков, моя дорогая, я уже написал».

«Проповедник что ли?»

«Я не читаю проповеди, но мне их рассказывают».

«Не понимаю».

«Ты скоро всё поймёшь сама».

Полину начал утомлять этот диалог. Ей стало совершено очевидным то, что на том конце сетевого провода с ней беседует типичный прыщавый студент или, чего хуже, подросток, пытающийся нагнать мистической атмосферы и показаться гораздо загадочнее, нежели на самом деле. Однако её собеседник печатал свои сообщения грамотно, что в наши дни выглядит, если не нонсенсом, то, по крайней мере, очевидным невероятным. Наверное, подумала Полина, это очень примерный школьник. Отличник.

«Ладно, как тебя зовут в реале?»

«Инвайдер».

«Понятно. А меня – королева Виктория. Слушай, Инвайдер, я вообще жду одного человека, давай мы с тобой поговорим позже».

Она отправила сообщение, взяла первый бутерброд и откусила от него.

«Это невозможно. Мы начнём прямо сейчас».

«Начнём что?» – Полину уже порядком раздражала эта пустая беседа, и ей захотелось как можно скорее отделаться от навязчивого собеседника.

«Эх, Полина, Полина… – появилось в ответ, – ну зачем, зачем ты открыла мой контакт? Ты ведь могла просто проигнорировать его, и твоя жизнь так бы и текла дальше без проблем. А теперь… Теперь ты станешь играть по другим правилам, хочешь ты этого или нет. Приятного аппетита, кстати».

«Психопат, что ли? – нахмурилась Полина. – И откуда он знает, что я ем? Пожалуй, нужно его просто потереть и – дело с концом».

Она уже собиралась свершить акт по очистке контактного листа от некоторых пользователей-вредителей, как появилось новое сообщение:

«Даже не думай удалять мой контакт, девочка. Ведь ты же хочешь знать, что случилось с твоим Игорем?»

Полина чуть не подавилась. Мышка в её правой руке застыла, так и не открыв спадающее меню с опцией «Delete», а бутерброд едва не вывалился из левой руки.

«Игорь! Он знает про Игоря? Но как, откуда?»

Про их роман не знал ни один её знакомый, кроме Маши, да и то, Полина сказала ей это намёком после того, как та «уговорила» за вечер почти две бутылки мадеры и была пьяна в стельку. Да и в любом случае, «Машка – свой человек».

«А, может, это Игорь и есть? Пишет с другого номера, чтобы пошутить… Но, во-первых, на него это не похоже, а во-вторых, номер пятизначный, а такие номера сейчас просто так не найти. Игорь плохо разбирается в компьютерах, чтобы своровать такой номер, правда, он мог его купить… Но зачем это ему надо?»

«Я смотрю, ты поняла, что ситуация внештатная, не так ли? Я помогу тебе: я не Игорь и всё, о чём я тебе пишу – это не шутки».

Полина постепенно пришла в себя. Она положила бутерброд и уж, конечно, не могла теперь просто так удалить контакт Инвайдера. Её пальцы застучали по клавиатуре:

«Ты его друг? Решил приколоться?»

«Поли, я только что написал, что и не думал шутить. Всё слишком серьёзно! Кстати, ты ведь позволишь себя так называть? Игорь называл тебя именно так».

Полина не знала, что ответить. Вместо этого она схватила мобильный телефон и приготовилась звонить Игорю. Но как быть с его женой? Звонок от любовницы в полвторого ночи – это не то, что приведёт обоих супругов в радостное расположение духа.

«Не стоит ему звонить, – появилось сообщение. – Нет, не потому, что заметит жена. Игорь не сможет сейчас подойти к телефону. Физически не сможет».

Полина почувствовала, как по её спине заструился холодок. Ситуация начала принимать зловещий, непредсказуемый оборот.

«Как бы то ни было, надо позвонить Игорю, – подумала она. – По крайней мере, он снимет трубку, и я буду уверена, что этот тип – просто клоун».

Она быстро набрала номер и поднесла телефон к уху. Раздались гудки, быстро прервавшиеся мягким женским голосом:

«Вызываемый абонент временно не доступен. Попробуйте перезвонить позднее».

Полина попробовала ещё раз, но бесстрастный голос автоматической системы повторил свои слова.

«Я же говорил, не надо звонить», – если бы сообщения могли передавать эмоции, то Полина поняла бы, что её собеседник улыбается. Смайлики же он ещё не использовал в диалоге ни разу.

Полина взорвалась и яростно принялась печатать заглавными буквами:

«КТО ТЫ ТАКОЙ??? ЧТО ТЕБЕ НАДО???»

«Ну вот, вот! – пришло в ответ. – Похоже, глупая девочка Поли, наконец, осознала своё положение. А то не верит, всякие телефонные номера, понимаешь, набирает…»

Полине стало страшно. Кем бы ни являлся Инвайдер, он определённо многое знал об их отношениях с Игорем. Вероятно, это шантажист, который начнёт сейчас требовать от неё денег, грозя разоблачением перед Артёмом. А может быть, жена Игоря наняла детектива, который и вышел на Полину? Ну, конечно! Пока Игоря не было дома, тот парень покопался в его компьютере, нашёл контакт Полины, почитал историю переписки и – дело сделано! Как же она сразу не догадалась. Телефон Игоря или хотя бы сим-карту ревнивая жена могла спрятать или инсценировать ограбление. Так что никакой мистики тут нет. Но в любом случае, ситуация крайне неприятная… Если не сказать, аховая.

«Сидишь, наверное, думаешь, что делать? А я знаю, что. Поэтому слушай меня».

Полина стала ждать. Она уже давно обратила внимание на тот факт, что сообщения, набираемые Инвайдером, никак не отображаются в её клиенте соответствующим индикатором. Поэтому было неясно, печатает он сейчас ответ или только раздумывает над ним.

Прошло три минуты. Чтобы отвлечься, в каком-то нервном побуждении, Полина принялась читать сообщения от Дениса, но уже на четвертой строке бросила это занятие. Её

мысли метались между собой, и где-то глубоко внутри них сидел, надёжно уцепившись, страх.

«Может, сказать Артёму? Нет, что за бред! Он же ревнивый, закатит такой скандал… Нет, нет, говорить Артёму нельзя ни в коем случае! Надо как-то поставить в известность Игоря».

Полина стала лихорадочно вспоминать любые координаты своего любовника. Так, во «Вконтакте» и «Фейсбуке» он не зарегистрирован, в «Одноклассниках» не зарегистрирована она: оба они резонно понимали, что их общение через социальную сеть легко может разрушить тайну, и роман станет известен многочисленным друзьям и знакомым.

Skype! Игорь говорил, что имеет в нём учётную запись, но Полина до сих пор не успела поставить себе эту программу.

Форум автомобилистов! Ну, конечно же, он частенько бывает на нём, можно послать ему личное сообщение. Они уже как-то общались через него, когда с ICQ были проблемы (что, несомненно, является камнем в огород провайдера Полины, системщики которого из-за неверных настроек позволяют терять связь с ICQ-сервером, после чего весь район в течение получаса тщетно пытается войти в сеть, создавая иллюзию многочисленной DoS-атаки, которую этот сервер успешно блокирует). Стоит также заметить, что Полина, не смотря на свою любознательность, в компьютерных делах отчасти оставалась ретроградом: она упорно не переходила на более современные программы для связи, включая уже упомянутый Skype.

Полина тыкнула мышкой в своем браузере на закладку с сайтом любителей авто. Уже через минуту она изготовила своему любовнику личное сообщение такого содержания:

«Любимый! Мне в „аську“ пишет какой-то псих, он говорит, что знает о нас и что я должна для него что-то сделать! Он намекает на то, что ты, то ли в опасности, то ли ещё чего… Я боюсь! Он называет себя Инвайдером, больше о нём никакой информации нет. Извини, я тебе звонила сейчас, но ты не доступен… И в „аське“ тебя нет… Пожалуйста, как сможешь, напиши мне. Я подозреваю, что это твоя жена наняла детектива, в общем, разберись с этим делом! Целую, твоя Поли!»

Её руки дрожали. Контакт Инвайдера молчал.

«Может, он там сдох случайно? – подумала Полина. – Взял и сдох. Подавился мацой, как Лёха говорит. Или ещё чем-нибудь. Или сердце у него остановилось».

Но тут от Инвайдера пришёл ответ. Полина, глядя на появившийся длинный текст, медленно начала переходить из состояния общего испуга в состояние ступора. Не оставалось никаких сомнений в том, что перед ней – настоящий сумасшедший, маньяк, ибо написать такое человек, находящийся в здравом уме, по её мнению просто не мог.

«Слушай меня внимательно, девочка Поли, и не отвлекайся. Ты уже поняла, что я знаю про тебя, если не всё, то почти всё. Но ты сама виновата в этом, ведь это ты обманываешь своего мужа, а это грех, Поли, это грех. А где присутствует грех, там появляюсь я. Потому, что человек без греха – это не интересно, невкусно, а с грехом любая душа похожа на жирный кусок мяса под сочным соусом. Грехи – это специи, без которых употребление души не доставляет никакого вкуса. А, главное, они делают своих хозяев заложниками, которыми очень легко манипулировать. Ты, наверное, спросишь, почему я выбрал тебя, а не кого-то другого? Всё просто: ты сама хотела этого, но не до конца понимала природу своего желания. Да, детка, это так! Ты каждую ночь, порой напоив мужа алкоголем, бежишь к своему ноутбуку, ты сидишь ночью в интернете и ищешь себе приключений. Игорь – это лишь досадная отсрочка от неизбежного, тебе нужен вовсе не он. Тебе нужен поиск развлечений в той среде, в которой ты чувствуешь себя комфортно. Даже секс для тебя не так важен, как ночные посиделки в соцсетях или на форумах. Ты не можешь без них. А вкупе с твоим грехом, таким мелким, но таким острым, ты становишься как нельзя особо ценным и пикантным

блюдом. Так что слушай, слушай меня, крошка, и может быть, я верну тебе твоего любовника. Сейчас ты доешь свои бутерброды, выключишь компьютер и пойдёшь спать. А завтра ты приступишь к поиску первого ключа. Но прежде запомни инструкции…»

Когда Полина, покачиваясь встала из-за стола, а вентилятор процессора в её ноутбуке печально замолчал, дверь открылась, пролив в комнату свет из коридора. Там стоял Артём.

– Чего не спишь? – хриплым спросонья голосом спросил он.

– Уже… собиралась… – едва выдавила Полина. – Сейчас иду.

– А… Опять в своих этих… как там… сидишь… Ладно, я воды попить встал.

Артём ушёл на кухню, а Полина подошла к зеркалу. Оттуда, из потустороннего мира зазеркалья, на неё смотрела молодая высокая девушка лет двадцати, с круглым лицом, каштановыми волосами под каре, с большими зелёными глазами и маленьким ртом с пухлыми губами. Тонкая фигура, скромная, но выразительная грудь… Полина могла не переживать о своей внешности, не даром с ней частенько пытались знакомиться прямо на улице. Но сейчас она видела в глазах этой милой и полной светлых надежд девушки страх. Неприятный, холодный, дрожащий страх, который свернулся внутри этой зеленой листвы, будто жужжащий шершень, тихо и методично оттачивающий свои острые жвала, готовясь к смертельным ударам.

Полина чувствовала, как трясутся её руки.

Что будет теперь? В какую историю она попала? И чем эта история закончится?

Она просто стояла перед зеркалом… Что же она наделала?

А сейчас автор позволит себе немого отвлечься: мы покинем на время жаркую и удушливую Москву, и перенесёмся далеко-далеко на Восток, а точнее, в Индию. Автор понимает, что такой подход к изложению нарушает целостность всего произведения, более того, он сам крайне не любит встречать в литературе подобный вензель. Но стоит заверить читателя: на протяжении всего нашего повествования такое случится ещё не более двух или трёх раз.

Итак…

Стояла тёплая ясная ночь, на небе грандиозно растекался Млечный путь, снисходительно освещая берег своим серебристым светом. Тот, в свою очередь, смешивался со светом десятков язычков горящих свечей. Вместе они, и далёкий посланец звёзд, и домашний уютный сторожил, создавали восхитительную картину таинства и умиротворения. Тёмные воды реки Джамны шумели и переливались в своём постоянном, струящемся денно и нощно, потоке. На берегу же, на остывающем ночном песке, приняв позу лотоса, сидел человек.

Он носил длинную чёрную, местами тронутую сединой, густую бороду. На нём была надета простая роба оранжевого цвета и такого же цвета тряпка, покрывавшая голову. Свечи добавляли живых ярких мазков в одеяние сидящего: казалось, что оно само постоянно меняет свои оттенки. Глаза человека были прикрыты, а кисти рук покоились на коленях. Он медленно раскачивался из стороны в сторону.

Едва язычки свечей дрогнули, он перестал раскачиваться, и открыл глаза. Сзади к нему подходил другой человек, молодой, обритый наголо, но в такой же робе. В руках он держал яркую масляную лампу. Не дойдя до сидящего двух метров, он остановился и почтительно сказал на санскрите:

– Раде-раде[1], учитель.

Сидящий поднял правую руку с тремя центральными вытянутыми пальцами; большой и мизинец – спрятаны. Это означало «говори».

– Ачарья Шехар. Красная свеча зажглась.

Сидящий промолчал. Подошедший продолжил:

[1] Уважительно приветствие к учителю внутри некоторых духовных обществ Востока.

– Вы велели сообщить, если это случится. Ключ по вашей же воле хранился у меня всё то время, как вы расстались со странником из Европы. И сейчас она горит. Это случилось вечером. Я не мог беспокоить вас раньше.

Сидящий медленно поднялся на ноги и повернулся к говорившему. Тот продолжал:

– Означает ли это, что все мы в опасности?

Ачарья Шехар подошёл ближе к собеседнику и произнёс:

– Значит, это случилось. Такое уже происходило в нашем мире, и вот сейчас это повторяется снова. Я чувствую, что кто-то хочет познать истину, более великую и важную, нежели дано познать человеку. Но он выбрал разрушительный способ. И, значит, я не зря опасался подобного вторжения. Нет, мой брат, опасность для нас не столь велика. Но для кого-то в отдельности она будет велика. И тот человек из Европы, которому я передал экзалтум, должен выполнить свою миссию.

– Вы всё знаете? Что именно произойдёт?

– Увы, мой брат, мне дано познать лишь то, что дано. Я не ведаю всех подробностей. Но Творец направляет меня. Наша встреча с европейцем, вероятно, была предопределена. Возможно, это был самый важный этап в моей жизни.

Он повернулся и отошёл к воде. Посмотрел, как она переливается через камни, как бросает в звёздном свете блики, как отливаются они чёрным золотом.

«Значит, всё было не зря, – подумал он. – Ну что ж, Тимьян, выполни свою миссию. Мне не дано знать, почему и для чего. Но дано понять, что сделать это необходимо. Тебе».

Он вновь повернулся к подошедшему, улыбнувшись, сказал:

– Всё идёт так, как должно, мой брат. Я исполнил свой долг. Пойдём же, нас ждут в храме.

Он обнял за плечо своего собеседника, и они направились прочь от берега вверх по выложенной камнями дорожке, которые, веками отполированные, блестели в свете звёзд и масляной лампы. Высоко над ними возвышался храм Кришны. Позади них оставалась шуметь своими потоками Джамна. А свечи на её берегу продолжали гореть, помахивая вслед удаляющимся фигурам язычками своего пламени…

Берт Уоллес

Полина вышла из вагона на станции метро «Менделеевская». Когда-то ещё в юности (впрочем, не так и давно), она встречалась тут с человеком, которому продала свой старый мобильный телефон. С тех пор её пути и эта станция почти не пересекались до того времени, как они с мужем поселились в съёмной квартире на севере Москвы.

«Поднимаясь по эскалатору, не оглядывайся, возможно, что за тобой будут следить. Веди себя непринуждённо, легко. Проходя мимо памятника собачке, посмотри на неё, можешь даже пустить слезу, но долго там не задерживайся. Выйдя из дверей, поверни налево. Купи себя бутылочку воды, на улице будет жарко…»

Полина решила выполнить требование Инвайдера. Прочитав его первое задание до конца, она едва не разрыдалась. Всё, что с ней сейчас творилось, напоминало повесть-ужастик в духе известных мэтров сего жанра. Кем бы ни был Инвайдер, он определённо маньяк, размышляла она. О таких, конечно, надо сообщать в милицию, но у него в заложниках Игорь! При любой развязке об их отношениях станет известно, а это лишние проблемы, скандалы, неминуемая катастрофа…

«Как же я так попала? – думала Полина, подходя к бронзовой собачке. – Зачем я открыла это чёртово сообщение! С другой стороны, он всё равно бы выследил меня, значит, это неизбежно… Но что теперь делать?»

Она всё ещё надеялась на то, что Инвайдер блефует относительно Игоря, и её тайный любовник обязательно ответит ей на форуме или перезвонит. Но телефонный номер его молчал, а форум в данный момент был недосягаем.

Постояв несколько секунд у памятника, Полина направилась к дверям. Бронзовый пёс, действительно был выполнен в высшей степени впечатляюще. Глядя на него, волей-неволей хотелось всплакнуть, настолько доверчивыми и чистыми глазами смотрело немое животное на братьев своих больших. Но Полина сейчас пребывала в столь тяжёлом смятении духа, что созерцание памятника не доставило ей каких-то особенных впечатлений. Денис что-то рассказывал ей про историю этого памятника, но что конкретно, вспомнить она не могла.

Купив в одной из палаток, присосавшихся к стене перехода, воды, Полина уверенно пошла к выходу. Мимо неё пронёсся какой-то парень, с ног до головы закованный в кожу. Его догоняла такого же внешнего вида девушка:

– Слышь, козёл, куда?

– Давай! Не успеем, на!

Похоже, оба они были изрядно пьяны ещё со вчерашней ночи, и Полина вспомнила, как встретила Дениса: «Наверное, я была так же отвратительна… А, впрочем, какая разница?»

«Ты должна повернуть налево, подняться по лестнице, затем пойдёшь направо под зданием бизнес центра. Дальше иди через калитку, мимо стены, расписанной граффити до 1-й Миусской улицы. Пройди между Менделеевским университетом и троллейбусным парком, затем дважды сверни налево. Перед тобой будет так называемый Миусский сквер. Иди к самому крупному и развесистому дереву, у которого несколько стволов. Сядь на лавочку, которая находится рядом».

Полина села. По её мнению здесь было мило – утром не так много праздно шатающихся зевак. А если не считать двух спортивного вида девушек, бегающих вокруг парка, и нескольких собаководов – любителей такс, прогуливающихся внутри него, то это место окажется уютным и располагающим к одиночеству.

«Посиди немного, выпей водички. Посмотри по сторонам. Не волнуйся».

Полина делала всё, как писал в своём требовании Инвайдер вчера ночью. Финалом этой нелепой игры должна была стать какая-то записка, которую Полина найдёт сейчас

в урне. Она обернулась, отметив, что собаководы движутся в противоположную от неё сторону. Спортсменки же, наоборот, приближались, и Полина решила выждать, пока и они скроются далеко за её спиной. Было тихо. Лёгкий ветер едва касался её короткой причёски, и Полине стало ужасно противно от того, что вместо свидания в этом уютном сквере с Игорем, она вынуждена идти на поводу у безумца.

«Нагнись к урне и достань из неё конверт. Не бойся, там нет ничего страшного. Открой его и прочти первую новеллу. Нужный мне, да и тебе тоже, первый ключ хранится в ней».

Полина осторожно заглянула в урну, но тот час вскочила с лавки. Из урны, громко гудя, вылетел здоровый шершень. Он немного покружил вокруг Полины, затем скрылся из вида.

– Тьфу ты, – выругалась девушка. Она медленно приблизилась к урне, снова очень осторожно заглянула в неё. К её облегчению больше никакой живности в ней не оказалось. Урна выглядела абсолютно пустой и даже, как ей показалось, чистой.

Внутри, прислонённый к стенке, стоял конверт. Достав его, Полина ещё раз огляделась.

«Наверное, где-то здесь бродит агент этого гада! – подумала она, прищурив глаза. Ничего, мы ещё придумаем, как с тобой справиться!»

Но как это сделать Полина пока не знала. Осмотрев конверт, девушка не нашла на нём никаких надписей. Открыв его, достала несколько листков с отпечатанным текстом. Ещё немного повертев конверт в руках, Полина положила его на лавку и принялась читать.

Берт работал обычным клерком скромного офиса внутри большого здания. Оно вмещало в себя огромное количество офисов и контор, в которые, как обычно с утра, приходило огромное количество клерков. Стояло тёплое осеннее утро, и все они сейчас спешили на свою работу.

Берт вышел из лифта, направился к двери своего офиса. Он трудился в небольшой компании, состоящей из пятнадцати человек и занимавшей на этом этаже всего одну комнату. В России двухтысячных годов Берта безусловно окрестили бы «работником малого бизнеса». Но он не жаловался: хорошая зарплата, прекрасный вид из окна на Манхэттен, покладистый босс, красавица секретарша…

Вот тут, правда, выходила нестыковка. Уже помолвленный Берт, будучи примерным католиком, старался лишний раз не смотреть на наполненного двадцатилетней свежестью ангела, порхающего в обтягивающих брюках между столов.

«Конечно, я не должен думать о ней» – говорил про себя Берт, всякий раз чувствуя изрядное напряжение, когда Сюзен, вставала из кресла, подходила к окну, потягивалась у него, поворачивалась на месте, подходила к креслу, садилась в кресло. При этом во рту у него пересыхало, а лоб покрывался небольшой испариной.

Но последний факт никогда не наблюдался окружающими, ибо по сравнению с кипящими гейзерами, буквально бьющими изо лба, затылка, спины, подмышек и прочих особо активных выделением пота мест, бушующих на теле его босса, жалкие капельки неудовлетворённой страсти Берта просто не замечались.

Босс по имени Чак ворвался в офис в 8:30, что говорило о его глубокой заинтересованности в работе фирмы. Берт уже разложил свои бумаги, включил компьютер и собирался сделать себе кофе.

Чак пронёсся своими объемными телесами мимо него как чёрная туча из саванн Африки в период дождей, на ходу крикнул:

– Берт, подготовь вчерашний отчёт, у нас, кажется, появляются новые инвесторы!

– Это здорово! Кто они? С Уолл Стрит, надеюсь?

– Берт, твои шутки не уместны. Эти торгаши, скорее взорвут нас к чертям, чем раскошелятся хоть на цент! Ты что, не знаешь эту систему? Я проработал с ними двадцать лет, и скажу тебе, парень: худшей породы, чем финансисты я не встречал! Да и что говорить, если их предки были рабовладельцами! Мой народ до сих пор имеет на них зуб!

Чак относился к особой породе, над представителями которой можно всегда подшучивать забавы ради, получая в ответ бурю негодования. Он чутко реагировал на любую нелепость, на любой укол, начинал кипятиться, пока его не прерывал телефонный звонок или какой-нибудь назойливый коммивояжер, который проникал в среду обитания Чака с предложениями купить семь ножей по десять долларов за штуку и получить в подарок, к примеру, разделочную доску из чудо-оргалита в придачу с бесплатным билетом на ближайший матч по бейсболу.

– Хуже финансистов только коммивояжеры! Эти парни, брат, кого хочешь, достанут, уж я-то знаю! Но я тебе так скажу. Никто, слышишь, никто не посмеет сделать из меня глупого работягу!

– Да, вы правы, босс. А всё-таки, кто же наши новые инвесторы?

– Потерпи сынок, скоро сам всё узнаешь! – Чак плюхнулся в кресло, которое жалобно затрещало под ним, как усталое весло древней галеры. – Фу, ну и пылища! Послушай, Берт, у нас что, опять не убирали?

– Да нет, уборщица оставила бирку… Но пыли много, я сам не знаю, откуда её столько…

Действительно, за последнее время на всём этаже стало скапливаться большое количество пыли. Никто не понимал, откуда она вдруг начала появляться, учитывая не только высоту этажа, но и сам факт её внезапного возникновения в таких масштабах. Говорили, что по ночам в здании идут какие-то работы по ремонту вентиляции, а некоторые этажи вообще временно закрыты. Берт лично не проверял эти слухи, да и не до них ему сейчас было. Он уже планировал список гостей на свадьбу, выбор загородного дома и, конечно же, внешний вид обручального кольца, которое он наденет на пальчик своей невесте Элен.

«Берт и Элен. Нет… Элен и Берт Уоллес, – думал он. – Да, так стоит написать на лентах…»

– Где наша козочка, а, Берт? – Чак скрипел креслом и пытался справиться с телефонной трубкой, которая своим проводом, будто цепью, норовила опутать его руку. – Ты-то уж должен знать, я же вижу, как ты на неё смотришь!

– У меня скоро свадьба, босс, так что… Это занятие я постараюсь оставить в прошлом.

– Ага, все так говорят, – пробубнил Чак, нажимая толстым пальцем кнопки телефона. Его стол при этом шелестел и покачивался как старая повозка, везущая тростник. – А потом… потом семейный кризис, выяснение кто прав, виски, покер… А когда дети пойдут, так вообще… Так что ты не зарекайся… Олё! Это мистер Фарингтон? Это Чак! Чак Терпин! Мы с вами…

Берт снова подумал об Элен: «Какая она у меня красавица. Жаль, что я накричал на неё тогда в магазине со свадебным барахлом от „Веры Вонг“. Купил бы ей это платье… В конце концов, что такое лишняя тысяча, зато какой она будет красавицей на свадьбе… Надо подумать…»

Открылась дверь и в помещение впорхнула Сюзен. В этом офисе работало четыре человека, но Марк заболел и поэтому состав теперь стал полным. Остальные члены их скромной компании трудились, как говорится, на местах.

Часы показывали 8:34. Сюзен широко улыбнулась:

– Сегодня все так рано!

Но сразу одёрнула сама себя, поскольку босс гремел с кем-то по телефону. Она подошла к своему месту, поставила сумочку и принялась доставать и перекладывать какие-то предметы. Зашумел вентилятор – он дребезжал в системном блоке компьютера Сюзен уже неделю. Это тоже связывали с большим количество пыли, но почистить внутренности компьютера никто из сотрудников офиса не решался.

– Да к чёрту Малдэра! – вдруг взревел Чак. Его лицо побагровело, как будто он тащил на себе тяжеленный мешок с сахаром. – Я сам сейчас подъеду и всё улажу! Да, часам… к одиннадцати! Пусть ждёт меня!

Он бросил трубку, чуть не раскрошив ею телефон.

– Так, господа и дамы! Мне надо срочно ехать, за старшего оставляю тебя, Берт.

– Что случилось? – поинтересовался Берт. В этот момент на столе у Сюзен зажужжал факс.

– Типичное разгильдяйство! – развёл руками Чак. – В земельном фонде опять перепутали документы, нужно заново определить аренду и поставить свою чёртову подпись! Что за тупые реднеки!

Босс огляделся.

– Ладно… Сейчас восемь тридцать шесть, как раз успею к обеду вернуться. Берт, давай, готовь отчёт, мы ещё вернёмся сегодня к этой теме.

Он схватил свой портфель и, громыхая как гужевой бык, выкатился из офиса.

– Да… – протянул Берт, – он когда-нибудь разрушит тут всё.

– Ой! – воскликнула Сюзен, ему же факс пришёл… – Мистер Терпин, постойте! Мистер Терпин!

Она бросилась следом за ним, выскочив в коридор.

Берт остался один. Он потянулся в кресле, вспомнил, что хотел сделать себе кофе. Встав и дойдя до кофеварки, он снова подумал о соотношении Элен – Сюзен.

«Всё-таки, Элен я люблю, – думал он, – а Сюзен… Просто красивая девушка, не более. Да и легкомысленная она, это очевидно. Верит во всякие теории заговора, мировую закулису. Это же смешно. Какая из неё будет мать, если она станет учить ребёнка всей этой ерунде? Нет, Сюзен, может быть, и хороша в постели, но Элен… Ах, вот, если бы их двоих…»

Однако Берт быстро пресёк опасное направление своих мыслей, которое недвусмысленно намекало на грех. Он взял горячий стаканчик и направился к своему месту. Посидев немного, он отхлебнул из него и тут запищал мобильный телефон.

Звонила Элен.

– Да, любимая!

– Берт! Ты, надеюсь, не забыл, что мы сегодня ужинаем в «Вальсе»?

– Элен, ты звонишь в такую рань, чтобы напомнить мне об этом? Конечно же, я не забыл! Я буду весь день отсчитывать часы и ровно в семь, как и договаривались, на том же месте!

– Ну, смотри, не передумай!

– Ну что ты! Как я могу! Ни одна злая сила в мире не помешает мне быть сегодня с тобой!

– Ладно… Целую тебя! Ещё позвоню! Может, быть…

– Хорошо, хорошо! Целую тебя!

Берт снова довольно потянулся. Вдруг он ощутил вибрацию и отдалённый грохот, будто что-то очень тяжёлое рухнуло прямо на пол одного из перекрытий здания. Берт покачал головой и вспомнил, что должен позвонить Нейтону, одному из своих сотрудников. Он быстро набрал его номер, затем поднялся из кресла и подошёл к окну, держа телефон около уха.

Берт взглянул в окно.

То, что он увидел прямо перед собой, заставило его замереть.

У него оставалось ровно две секунды, чтобы осмыслить происходящее.

Текст закончился. Полина подняла глаза и уставилась на раскидистое дерево напротив. Что это значит? Что от неё хочет Инвайдер? Чтобы она заучила эту историю? Какое отношение она имеет к ней с Игорем? Что ещё за чёртов ключ? Да, типичный шизик, что с него

взять. Либо, если это жена Игоря, то мерзавка хочет психологически сломать Полину. Ну, уж нет! Ей это не удастся! Главное – дозвониться до Игоря! Обязательно дозвонится до него!

Полина достала мобильник и только хотела набрать номер, как он сам принялся исполнять песню одной известной певицы «Just Dance».

От неожиданности Полина вздрогнула. Но она не успела подумать ничего страшного, увидев на экране определившийся номер мужа.

Согласно легенде, она поехала в торговый комплекс на Новослободской улице, сославшись на то, что утром в четверг в нём совсем не будет народу. Целью её вымышленного путешествия назначалась спортивная продукция какой-нибудь молодёжной фирмы, так как последние кроссовки Полины гордо именовались логотипом компании «Adidac», чьи сумрачные дизайнеры, конечно же, не боялись экспериментировать. Бесспорно, ей хотелось сменить столь редкую и эксклюзивную марку на что-нибудь более качественное.

– Да, солнце, – спокойно сказала она.

– Олё, Поли? Слушай, тут такое дело… Мне сейчас позвонил наш повелитель картошки и сказал, что может подогнать дешёвые арбузы. Нам надо? Я вообще, подумал, что надо, можно будет родителям отдать парочку, там какая-то копеечная сумма. И морковки немного для супа… Ты как, согласна?

Полина не знала, нужны ли ей сейчас арбузы, поэтому ответила:

– Не знаю… Я их не особо… Ну, хорошо, пусть продаст несколько штук.

– Ладно. Тогда ты могла бы с ним встретиться? Пусть он их завезёт домой, что ли…

– Хорошо, я созвонюсь с ним.

– Хорошо. Ты купила кроссовки?

– Не, здесь нету ничего подходящего.

– Уже домой едешь?

– Ну, сейчас, зайду ещё на рынок (Полина солгала, ни на какой рынок она идти не собиралась).

– Ладно, тогда до вечера!

– Пока.

Полина нажала на «разъединить».

«Странно, – думала она, – я нахожусь в очень сложной ситуации, но совершенно не испытываю к мужу никаких чувств. Я не могу ему признаться, не могу попросить его о помощи. И, наверное, он сейчас для меня как будто чужой. Да, чужой… Какие-то арбузы, зачем нам арбузы, мне сейчас совершенно не до них…»

Она убрала листки с текстом в конверт, сунула его в сумочку. Встав с лавки, побрела в обратную сторону, направляясь к метро.

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция „Тимирязевская“».

Когда с человеком случается какая-то из ряда вон выходящая история, он, конечно же, начинает анализировать её возможное развитие. Он сопоставляет факты, делает предположения, даже пытается разглядеть пути решения, если эта история – проблема. При этом поначалу от него могут ускользать некоторые совершенно очевидные для посторонних, но позабытые им самим в горячке поиска выхода данные. Вот и сейчас Полина, сидя в вагоне метро, увлекающего её в тёмный тоннель, вздрогнула от новой волны липкого страха.

«А если этот тип знает номер моего телефона? И даже где я живу? Какой ужас!»

Наверное, на лице Полины очень ярко отразились эти мысли, поскольку севший напротив неё мужчина бросил на неё быстрый взгляд своих чуть замутненных глаз и не отводил его секунд десять. Полина смутилась, но, внимательно изучив гражданина (его не слишком чистые штаны, припухшее лицо и вообще потрёпанный вид), решила, что, скорее всего, этот мужчина – вовсе не Инвайдер, не его агент, и вообще, не имеет к её истории никакого отношения. Девушка рассудила, что он – простой рабочий, едет после смены домой, не исклю-

чено, что с заходом в круглосуточный магазин. Мысленно она пожелала ему удачного выходного дня…

«Спокойно, спокойно, – думала Полина. – Главное не пороть горячку. В конце концов, ничего совсем страшного пока не происходит. Пока…»

Придя домой, Полина не спешила включать компьютер.

«Ты должна всё сделать до одиннадцати часов, если муж ещё не уйдёт, придумай что-нибудь. В „аське“ ты должна появиться в одиннадцать десять».

На часах было без пяти. У Полины оставалось пятнадцать минут спокойствия. Но разве можно назвать спокойным томительное ожидание?

Полина пошла на кухню, открыла холодильник. На тарелке всё ещё лежали недоеденные бутерброды, которые она так и не смогла впихнуть в себя ночью. Артём немало удивился, увидев их едва тронутыми, однако, ничего не сказал.

Постояв немного и обведя взглядом уже знакомую ей картину (впрочем, нет, отсутствовал один банан и треть батона колбасы), Полина закрыла дверцу. Аппетита у неё не наблюдалось с самого утра.

За окном электричка издала свой боевой клич, и двинулась куда-то прочь из Москвы. В ней, во втором вагоне, находился человек, который, вот уже восемь лет, жил двойной жизнью. Он имел семью, двоих детей, относительно сносную по доходу работу. Но страсти сделали его охотником, который носил маску добропорядочного семьянина. И, находя удобный повод, вроде поездки за грибами в лес, он уходил на охоту и возвращался через пару дней умиротворённым и счастливым. И сейчас, проезжая мимо дома, где снимали квартиру Полина с мужем, этот человек чувствовал, что инстинкт вновь зовёт его. Рядом с ним на сидении стоял портфель, в котором лежал моток верёвки и нож. Он ещё не знал, что совсем скоро станет одним из героев той странной истории, которая разворачивалась вокруг молодой девушки, что слушала сейчас перестук колёс обычного электропоезда.

Полина проследила за электричкой, та скрылась среди деревьев.

«Хорошо людям, – подумала она, – кто-то едет за грибами, кто-то на шашлыки… А мне сейчас… с этим извращенцем разбираться…»

И ей было невдомёк, что сегодня вечером на окраине города Дмитрова произойдёт убийство: трое крепко выпивших парней встретят на своём пути одинокого путника с портфелем. Короткий диалог быстро перейдёт в драку, после чего прохожему будет нанесено девять ударов ножом. После этого происшествия в окрестностях Дмитрова и Лобни прекратятся случаи жестоких убийств.

Настало время включать компьютер.

Полина чувствовала, что её руки дрожат. Пока система загружалась, она ещё раз позвонила Игорю на мобильный, но не услышала ничего нового. Домашний номер Игоря она не знала.

– Ладно, – сказала сама себе Полина. – Сейчас мы продолжим твою игру. Продолжим…

Когда Полина вошла в «online», часы показывали одиннадцать ноль семь. В листе не было никого, кроме Мирабэллы.

«А ведь это же боевая баба, – подумала Полина. – Ей можно открыться, она точно не разболтает. Да и потом, я ей уже намекала на свой роман. Да, Машке можно будет сказать…»

Ровно в десять минут двенадцатого появился Инвайдер.

«Как чувствует себя наша девочка? – спросил он. – Она сделала всё правильно?»

«Слушай, ты, маньяк, я прочитала твой рассказик. Теперь мы в расчёте. Что с Игорем, где он?»

«Ой, ой, ой! Какие эмоции! Поли, я бы на твоём месте не обзывался, ты сейчас немножко не в том положении».

«Что тебе от меня ещё нужно?!».

«Ты смотри у меня, девочка Поли. Будь послушной, а то я ведь, и рассердиться могу. Кстати, зря ты не кушаешь, вон какая бледная».

Полина не ответила.

«Блефует, точно блефует. Откуда ему знать, что она не завтракала? Ах да, он же у нас тонкий психолог, конечно, думает, что я вся на нервах. Вот сволочь!»

«Итак! Ты нашла первый ключ?»

«Какой ещё ключ? Я прочитала твою записку, что дальше?»

«Какие выводы ты сделала из прочитанного?»

Полина стала вспоминать. Какой-то офис, главный персонаж Берт, помолвка…

«Там было написано про какого-то клерка, который думал о своей невесте».

«Приехали! Поли, милая моя, ты же получаешь высшее образование! Это что, всё, что ты поняла?»

«Да, всё!» – Полина была вне себя от бешенства. Она и не думала, что вторая беседа с Инвайдером вызовет у неё такие эмоции.

«При чтении важно замечать детали, понимаешь?»

«Я не заметила там никаких таких деталей!»

«Значит, время ещё не пришло…» – Инвайдер замолчал.

Он не отвечал минут пять, и Полина собиралась уже сама написать ему, как появилось продолжение:

«Значит, приступим к поиску второго ключа».

– Нет, он определено сумасшедший, – прошептала Полина. – Зачем я теряю с ним время?

«Слушай, Инвайдер, – начала она. – А что ты вообще знаешь обо мне? Тебе не кажется, что твое место – в психушке?»

Инвайдер проигнорировал это сообщение и продолжал в своём духе:

«Чтобы найти второй ключ, ты должна сделать следующее. Сегодня днём ты поедешь…»

– Да ничего я тебе не должна! – закричала Полина и выдернула сетевой шнур из ноутбука. Контакты Марии и Инвайдера печально покраснели, а из системной панельки высунулось грустное сообщение об отсутствии соединения с интернетом.

– Пошёл ты к чёрту! – зло выругалась Полина. Она быстро встала из-за стола и подошла к окну. Мимо дома на Москву проезжал товарный состав: громыхая, тучные чёрные цистерны чередовались с пустыми скелетами специализированных платформ.

Используй Полина в своем ICQ-клиенте звуковое оформление, о некоторых событиях она узнавала бы скорее. Но постоянное событийное «квакание» её, как и многих, раздражало, а посему звук в программе был отключён. Поэтому стоя у окна, она, конечно, не могла слышать звук нового входящего сообщения.

Постояв ещё немного и, как ей показалось, успокоившись, Полина повернулась к столу и взглянула на экран. То, что она там увидела, едва не подкосило ей ноги:

«Никогда больше так не делай. А теперь слушай, где тебе искать второй ключ…»

Самико Идзуко

«Самолёт крякнул и из него, будто черная клякса, вывалился продолговатый тёмный предмет, тот час же устремившийся вниз. Падая, он, вероятно, и не задумывался о том, что отныне тысяче бумажным журавлям не суждено уже взлететь ему навстречу…»

Начало второй новеллы Полине сразу не понравилось. Она вспомнила историю о японской девочке, которая пережила атомную бомбардировку Хиросимы и, лежа в больнице, мастерила бумажных журавлей. Сделав очередной, она умерла. Но девочка верила, что тысячный подставит ей своё крыло и заберёт с собой в страну вечных садов. Только звали её как-то по-другому, не как в этой новелле. Полина постаралась вспомнить, но так и не смогла, поскольку находилась она на улице почти в километре от метро «Преображенская площадь», и доступа к интернету у неё, как и в прошлый раз, не было.

Полина подумывала одно время купить себе многофункциональный смартфон с поддержкой технологии Wi-Fi, но денег на такую роскошь не хватало: половина того, что зарабатывал Артём, уходило на оплату квартиры. Конечно, папа помогал им снимать её вскладчину, но попросить у него ещё десяток тысяч рублей на новое устройство Полина не решалась.

Однако она решилась второй раз пойти на поводу у Инвайдера. Сообщение, пришедшее от него при отключённом сетевом кабеле, окончательно добило Полину, надолго укрепив в ней мысль, что она имеет дело с профессионалом. Теперь она не сомневалась, что Инвайдер – не просто псих, а ещё и сотрудник спецслужб, иначе как можно было объяснить тот факт, что он продолжал поддерживать с её компьютером связь при полном отсутствии оной?

Конечно, оставалась ещё версия, что Инвайдер – представитель потусторонних сил, но Полине в это совершенно не верилось. Она вообще не верила ни в какие потусторонние силы, хотя смущённо и называла себя агностиком, отчего с православно ориентированным мужем у неё частенько случались так называемые holy wars, или, говоря русским языком, священные войны.

На этот раз Инвайдер потребовал, чтобы вечером Полина приехала на станцию «Преображенская площадь». Дальше её путь пролегал по Преображенскому Валу до трёх домов, возвышающихся над окружающими скверами. Где-то здесь стояли детские качели, внутри которых её и ждало второе послание – второй ключ, как называл эти послания Инвайдер.

Обследование первых двух попавшихся механизмов для детских развлечений не дало результатов, но с третьим ей повезло: из трубы, служащей деталью всей конструкции, торчал кусочек бумаги. Посмотрев по сторонам, Полина зацепила его пальцами и вытащила свёрнутые в тонкую трубку листы. Конверт не прилагался.

Отойдя к ближайшей лавочке, Полина села и развернула послание. На этот раз оно называлось «Самико Идзуко». И набрано было другим шрифтом, нежели предыдущая новелла.

«Не пишет от руки, знает, что по почерку можно определить…» – и тут Полину осенило.

– Отпечатки! – почти вскрикнула она. Быстро взяв себя в руки, она снова огляделась, отметила, что три мамаши по-прежнему очень громко болтают о каком-то крысином яде для дачи, а их чада роются в песочнице. Девушка стала искать в своей сумочке пакет. Таковой нашёлся – обычный полиэтиленовый пакет, достаточно прозрачный, чтобы сквозь него можно было читать.

«По крайней мере, часть его отпечатков здесь останется, будут улики против ублюдка», – подумала Полина. Мысль о том, что преступник мог работать в перчатках в её голову не пришла.

И вот, Полина, сидя на лавочке, прочитав первый абзац второй новеллы и обдумав возможные варианты сопротивления, принялась читать дальше.

Самико стояла на мосту и слушала вой воздушной тревоги. Она сильно устала за последние дни: напряжение последних месяцев тяжёлым грузом давило на неё, как, впрочем, и на всех окружающих. Общее настроение трагедии и подавленности сильно угнетало её молодой, ещё неокрепший дух. Но призывы сражаться до конца, доносившиеся отовсюду, ещё взбадривали, вселяя робкую надежду. Она не заметила, как к ней подошла Мисора Хибари:

– Ага, вот ты где! А я тебя ищу в квартале. Ты что, не слышишь сирены?

Самико тяжело вздохнула.

– Ах, Мисора, я устала прятаться… Уже и раньше случалось, что включали сирену, а выяснялось, что это ошибка.

– А если сейчас всё на самом деле? Ты что, не видишь, что город эвакуируется?

– Вижу… Но я ничего не могу с собой поделать. Я так устала, Мисора, так устала!

– Не хнычь. Разве ты не помнишь приказ Императора? Ни один японец не должен терять боевого духа, а напротив, воевать до победного конца!

– О какой победе ты говоришь, Мисора… Ты же видишь, что всё плохо, всё так плохо… После бомбёжки Токио…

– Знаешь, Самико, если бы ты не была моей подругой, я бы донесла на тебя! Чтобы тебя арестовали как паникёршу! Наша доблестная армия скоро соберётся с силами, и даст американцам такой отпор, что они навсегда позабудут про господство на океане!

Самико окинула подругу презрительным взглядом:

– Мисора, ты рассуждаешь о нашей победе, об Императоре, а сама носишь это красивое жёлтое платье. Разве ты не слышала, что роскошь непозволительна в столь тяжёлый для страны период? Почему ты не возьмешь ножницы, и не разрежешь его на шёлк для нужд военных?

– Самико, ты ещё очень молода… Тебе нет и восемнадцати. Позволь, я провожу тебя в бомбоубежище.

– Да какое бомбоубежище, посмотри! – Самико подняла руку и показала высоко в небо.

На фоне ясного голубого небосклона слабо выделялись три блестящие точки, движущиеся с юга. В этот момент воздушная тревога прекратилась.

– Это всего лишь разведчики, а не эскадрилья бомбардировщиков. Так что иди по своим делам и не мешай мне.

– А ты, стало быть, занимаешься чем-то важным. Наверно, думаешь о смысле жизни?

– Не язви. Лучше оставь меня одну.

Мисора посмотрела на свою несмышленую подругу, покачала головой, и направилась прочь. Она работала медсестрой в штабе Пятой дивизии и теперь возвращалась к своим обычным обязанностям.

Самико действительно думала о смысле жизни. Строго сказать, эти размышления основывались на её странных видениях, которые начали посещать девушку незадолго до дня весеннего равноденствия, её любимого праздника. Самико, подобно своему Императору, очень трепетно относилась к природе, ко всему живому, и этот страшный мировой пожар, который объял своим пламенем половину света, ужасал её.

Свои видения Самико интерпретировать не могла. Один раз она видела странное шествие: люди, одетые в серые балахоны, несли в руках кресты и что-то пели на неизвестном ей языке. Сзади них возвышались каменные стены, а небо закрывал кроваво-красный закат. Назвать это сном было трудно, слишком уж явной выглядела картинка.

В другой раз Самико не только видела, но и слышала: какой-то парень, похоже, кореец, сидел на лавке в парке и что-то играл на гитаре. Ветер шелестел в деревьях, шевелил его волосы, а он пел на другом неизвестном языке и смотрел ей прямо в глаза.

Третье видение случилось всего два дня назад. Самико остановилась прямо на середине улицы, закрыла глаза и увидела огромный корабль, движущийся через ледяную пустыню. Японская девочка никогда прежде не слышала о ледоколах, и эта картина поразила её.

Стоя сейчас на мосту, она пыталась понять, что означают эти видения. Не являются ли они событиями, выстраивающимися в один ряд? Люди в серых балахонах, парень с гитарой и огромный, размалывающий всё на своём пути корабль? Ей верилось, что рано или поздно, она получит ответ на этот вопрос.

Точки высоко в небе стали отдаляться. Самико больше не обращала на них внимания. Она отошла от перилл моста и направилась мимо проходящих пешеходов и проезжающих велосипедистов в восточную часть города. Глядя на этих гражданских, Самико презрительно усмехалась, вспоминая своего брата. Он служил в каком-то секретном отряде близ китайского Харбина, но что это был за отряд и чем он занимался, брат не рассказывал. Лишь один раз в своём письме он намекнул, что скоро у Японии будет особенное оружие, которое переломит ход всей в войны. Самико верила брату.

Сойдя с моста и спустившись к самой воде, она остановилась, глядя, как небольшие волны речки стукаются о высокий склон берега.

Самико улыбнулась.

Всё, что случилось дальше, Самико понять не могла, поскольку все её чувства вдруг перестали адекватно оценивать окружающий мир. Единственное, что она смогла ощутить до того, как повинуясь какому-то рефлексу, рухнула в воду, – это яркий свет, затмивший всё вокруг. Слух её прервался, и немые, бесконечно малые мгновенья потекли жидкой массой где-то внутри сознания. Шевеля руками, она стала барахтаться в воде, стараясь по памяти подползти к небольшой выемке в берегу, заприметив ту до вспышки света. Сжавшись в этой нише, она только теперь поняла, что произошло что-то запредельно ужасное.

Одновременно с нарастающим рокотом она почувствовала сильную боль. Заболело всё: руки, ноги, шея, лицо… Рот наполнился солёной липкой массой, отдающей слащаво-солёным вкусом мокрого железа. Самико поняла, что к ней возвращается слух, но глаза всё ещё показывали красную смазанную картинку берега, какой его запомнила сетчатка, чудом оставшаяся целой.

Самико ощутила, как задрожала земля, как вперемешку с оглушительным грохотом заунывно завыл вверху ветер, она чувствовала, что над ней проносится чудовищная масса раскалённой пыли, и она движется оттуда, из-за склона реки. Не будь его, девушку бы смело этой необузданной стихией, саму превратив в пыль.

«Возможно, это ураган, – подумала Самико. – Но почему так больно?!»

Самико попыталась снова ползти, но уже в обратном направлении. Коснувшись обожжёнными руками воды, она не почувствовала прохлады, наоборот, ей показалось, что руки опустились в кипяток. Однако боль в них почему-то стала утихать, и тогда Самико целиком заползла в воду, чувствуя облегчение. Возможно, нервные окончания её кожи попросту сгорели…

Она поднесла дрожащую ладонь к лицу и попробовала умыться. После этого, ей показалось, что зрение медленно возвращается.

Она подняла голову.

Моста не было. Прямо над ней, срываясь с понизившегося восточного склона, неслась чёрно-серая масса, затмевая собой затухающий свет. Она устремлялась далеко на запад, размазываясь о воображаемый горизонт. Вода в реке покрылась дымкой, которая поднималась

вверх и уносилась вслед за пылью. Земля дрожала и Самико дрожала вместе с ней. Грохот превратился в одно монотонное завывание.

Самико снова опустилась в воду.

Какое-то время она лежала без сознания. В другой раз она непременно бы захлебнулась, но сейчас часть реки испарилась, заставив воду отступить от берегов.

Очнувшись, Самико ощутила странные звуки: в горячем воздухе стоял то ли шелест, то ли треск… Возможно, это шумело у неё в ушах, которые, не выдержав грохота, всё-таки отключились. Она взглянула на свои руки: кожа на них покраснела и покрылась многочисленными ожогами. Скрюченные в судороге пальцы дрожали.

Кое-как Самико удалось подняться. Она выглянула из-за склона и посмотрела в небо. Гигантский столб коричневой пыли, поднимался подобно дыму от извержения вулкана. На конце столба пыль клубилась огромными сгустками, которые накрывали город своим пепельным саваном. У основания столба воздух дрожал и очертания, похожие на руины домов, таяли в багровом огненном мареве. Самико вновь рухнула вниз.

И увидела своё четвёртое видение.

Закончив читать, Полина устало подняла глаза. Безусловно, она жалела японскую девушку, пережившую атомный взрыв. Ещё в детстве Полина смотрела японский мультфильм «Босоногий Ген», после чего почти две ночи не могла заснуть и дрожала от страха, вспоминая страшные эпизоды из истории Кэйдзи Накадзавы. И лишь присутствие в спальне мамы как-то успокаивало её. Вспомнив снова этот момент из своей жизни, Полина поморщилась. Сколько ей тогда было? Лет восемь? Смотреть подобное в таком возрасте, конечно, не стоило…

Незнакомый маленький мальчик с небольшим мячиком в руках стоял рядом и вопросительно смотрел на неё.

– А я всё видел! – вдруг выпалил он и убежал.

Полина проводила его взглядом, посмотрела, как он возится с мячом, затем встала со скамейки, убрала пакетик с листками в сумочку и направилась к метро. Он решила пройти дворами до «Электрозаводской», мимо чудесного готического фасада электролампового завода. Всю дорогу она думала о второй новелле и о том, что ей придётся сказать сумасшедшему шантажисту, и какая ещё глупость может прийти в его голову. Полина чувствовала, что Инвайдер действует не один, у него наверняка есть агенты или помощники. Наверное, за ней установлена постоянная слежка, а дома могут находиться жучки и скрытые камеры, ведь существуют же где-то в природе хозяева их съёмной квартиры с оригиналами ключей. Тем более что Полина с Артёмом, спасаясь от невыносимого смога, затопившего город 6—го августа, выезжали на прошлые выходные к знакомым в Тверскую область, а этого времени достаточно, чтобы установить в доме любую спецаппаратуру!

Непонятным ей казался и эпизод с мальчиком. Что это было? Простая шалость, или у Инвайдера в агентах состоят ещё и трёхлетние дети? Нет, это уже совсем шизофрения начинается. Конечно, мальчик просто увидел, как Полина достала из железной трубы качелей несколько листков, а потом ещё и оглядывалась, вот и решил повредничать. Такой у него, должно быть, характер…

Погружённая в свои мрачные мысли, Полина дошла до «Электрозаводской». Она миновала турникеты, спустилась по эскалатору, проплыла немного по недавно отремонтированному помещению станции и села в подъехавший поезд. Находясь в вагоне и глядя, как светильники станции, всё ускоряясь, отдают её на съедение тоннелю, Полине в голову вдруг пришли несколько строчек:

«Пусть быстрее мчится поезд сквозь тоннель пустой и тёмный, ворох мыслей злых, никчёмных, пусть он прочь с собой уносит…»

Полина горько улыбнулась:

«Какая банальность. Но она так хорошо подчёркивает моё состояние!»

Полина в тот момент ещё не знала, что скоро ей второй раз в жизни доведётся спуститься в тоннели метро в поисках какой-то дикой, но неизбежной истины, навязанной ей таинственным Инвайдером.

Когда она вошла в квартиру, было уже пять. То есть, семнадцать часов и три минуты. Артём задерживался. Полина вспомнила, что нужно созвониться с «кукурузным боссом» по поводу арбузов, но ничего не стала делать.

«К чёрту арбузы, – подумала она, – мне и без них тошно. Пусть сами стыкуются и разбираются».

Однако подумав об арбузах, Полина, наконец, ощутила чувство голода, которое вылилось через десять минут в дежурную тарелку с бутербродами.

«Надо бы суп сварить рыбный, – думала она, доставая свою многострадальную тарелку, – но сил сейчас нет. Чёрт, Артём будет ругаться…»

Инвайдер писал ей, что выйдет в эфир в ноль часов. Полина почему-то поверила ему и, включив компьютер, не опасалась, что сейчас придётся вести диалог с этим коварным безумцем.

Контакт Игоря молчал. Ответа на форуме автомобилистов не приходило. Полина продолжала набирать номер Игоря, но тщетно: её любовник не отвечал. Правда, один раз вместо стандартной фразы «вызываемый абонент…» прозвучали гудки а-ля «занято». Полина списала это на сбой в оборудовании оператора.

В «аське» Инвайдера действительно не было, хотя Полина теперь полагала, что ему и не обязательно иметь статус «online», зато присутствовали Гор, Марни, Мирабэлла, Фунт мяса и Кадавр.

С Марни, и это было её настоящее имя, зарегистрированное в паспорте, молодой ветреной девчонкой богатых родителей, Полина познакомилась на концерте одной широко известной рок-группы. Вообще, Полина не хотела идти на тот концерт, так как не питала к группе каких-то особенных симпатий, но билеты «на халяву» и жажда повеселиться за чужой счёт сделали своё дело. Произошло это году в 2006-м или 2007-м, Полина толком и не помнила.

Родители, назвав своё чадо именем Марни, как в моду, то есть, как в воду глядели: уже в семнадцать лет их дочь оказалась заложницей своего имени, помешавшись на известных брендах текстильной промышленности. Одевалась она дорого и со вкусом, а всех прочих оценивала через призму популярных в данном сезоне коллекций. Себя же она порой гордо называла fashion victim[2].

Марни тогда считалась девушкой какого-то парня из их компании, они с Полиной быстро разговорились и нашли много общих тем для бесед. Но спустя время их жизненные ориентиры разошлись в разные стороны, однако подруги продолжали общаться через интернет: как правило, Полина консультировалась у Марни по вопросам модной одежды и, надо признаться, равных ей по знаниям в этой области пока не встречала.

Фунт мяса, а в миру просто Дмитрий, вылезал в «аську» редко. Как правило, это происходило тогда, когда его напарник выгонял очередного программиста-лоботряса, и Диме приходилось искать нового. Вот и сейчас от него уже мигало новое сообщение:

«Извиняюсь за спам, я ищу серверного программиста на PHP/Java. Знание ООП, знание SQL, опыт работы с СУБД MySQL или PostgreSQL, опыт работы с PHP5 от 2-х лет, желательно знание Python, Unity3D».

Полина быстро набрала ответ:

«И зачем мне эта филькина грамота? Я в этих ваших „пехепе“ не „шельме“!»

«Извини, Поли, я всем на автомате раскидал, может, у тебя какой знакомый есть?»

---

[2] Жертва модных стилей (англ.)

«Нет у меня таких знакомых, ты – единственный. Я твою „Магию цифр“ так и не прошла, кстати. Падает после пятого уровня».

«Так там патч надо ставить. Но это всё ерунда, мы тут новый проект замутили, такого ещё не было! Если в двух словах, то суть такова…»

Дмитрий и его товарищ Володя занимались созданием shareware[3] игр в обход издателей, пользуясь лишь собственными силами. Вообще, что-то у них получалось, три игры, которые они выпустили и умудрились протолкнуть в западных топах, принесли им небольшой гонорар, но назвать эти потуги хорошей прибылью у них самих язык не поворачивался. Полина, во всяком случае, очень скептически смотрела на их бизнес, полагая, что даже Артём, работая охранником, занимается делом более достойным и перспективным (Артём мечтал в будущем стать телохранителем какого-нибудь олигарха, впрочем, смотря правде в глаза, не любил об этом говорить).

«… вот такая вот простая, но интересная игра. Думаю, успех будет, тем более что социальные проекты сейчас популярны», – Дима подробно (в двух словах) описал своё будущее детище.

Полина прочитала его сообщение между строк, учитывая то, что, во-первых, половину слов она не понимала, а во-вторых, новый проект Димы находился сейчас для неё приблизительно на одном уровне с арбузами.

«А название игры будет „Вертикаль власти“, вот! – подытожил Дима. – Ну, ладно, если найдёшь того, кто ищет работу программистом, сообщай».

Но оставим Диму, а обратим наше внимание на ещё одного фееричного пользователя контактного листа Полины. О, да. Великий Кадавр был фигурой в высшей степени эпичной!

Мелкий офисный работник и по совместительству начинающий писатель Николай Рыськин относился к той категории людей, которые пытаются поймать удачу за хвост, идя в лобовую. Он не заканчивал литературного института, не выписывал литературной газеты, не читал «Войну и мир», не изучал Аристотеля и Гомера, не причащался Шекспиром и Фейхтвангером. Однако жажда к воображаемой славе и открывшийся в нём талант графомана, позволили ему пробиться сквозь стену безвестности и опубликовать несколько своих сюжетов в некоторых глянцевых журналах.

Николай тщательно отслеживал рынок популярной беллетристики, каждый раз отмечая для себя в специальном файле, кто и что выкинул на бульварные прилавки Москвы и Питера в этом сезоне. Его любимые фильмы повествовали о мире гламура, любимые книги – о богатых и холёных авантюристах, а любимым образом и самой сладкой музой являлась напыщенная и полногрудая светская львица, одевающаяся только со стилистом и лично управляющая полноприводным внедорожником с автоматической коробкой передач. На фоне всего этого оставалось неясным, почему он выбрал для себя прозвище «Кадавр», по определению вмещающее в себя всё, что угодно, но только не гламурный аромат. Возможно, Николай обладал какой-то двойственностью натуры, нежели, скажем, Марни – типичный герой его опусов.

Сейчас он трудился над какими-то «клубными заметками» и часто ставил Полину в известность, относительно сего творения. Увидев, что его подруга появилась в сети, он написал:

«Приветик! Я тут новый роман начал о современной молодежи. Про то, как молодые и богатые девушки отдыхают, пока их папики пилят госбюджет!»

Пока Полина думала, что на это ответить, пришло второе сообщение:

«Я даже название придумал: „Розочки-отморозочки“! Как тебе?»

«Сильно», – выдавила из себя Полина.

---

[3] Условно-бесплатный программный продукт (англ.)

«Ещё я думаю несколько лубков выпустить. Хочешь послушать?»

«Давай…»

«Дурик Сашок съел артишок, испытал дикий шок с заворотом кишок, замотался в мешок, зубы стер в порошок, вот такой вот стишок!»

Полина засмеялась, несмотря на своё подавленное состояние. Всё-таки, Николай умел нести такую чушь, что на её фоне развеивались даже чёрные мысли об Инвайдере.

«Забавно», – ответила она.

«Ещё. Тупой тапир включил копир, делает, дурак, копии загранпаспорта на весь мир! Но, может, тапира переделаю в вампира!»

«Что-то у тебя они все какие-то дураки, не находишь?»

«А что с них взять, они же персонажи лубков! Мне кореш эскизы уже накидал, получится прикольно!» – месье Кадавр в своих посланиях очень любил пользоваться восклицательными знаками, читатель, наверное, это уже заметил.

«Обязательно посмотрю, Коль. Не забудь дать ссылку».

«Или вот, как тебе. Называется „православный код“. Батюшка дунул в усы, загрузил плюсы, поправил кресты. Код на парсе – не паства в рясе. За окном – синица, вольная птица, снуёт, озорница, батюшка крестится, проект компилится!»

«Ну, ты дал… А ты что, в программировании разбираешься? Ты ж, вроде, в математике того, никакой?»

«Да нет, у меня товарищ программист, я у него этих слов набрался… Не знаю, чего они означают, но мне понравилось! Знаю только, что „плюсы“ – это какой-то язык программирования, а у меня как раз параллель с крестами!»

«Ну, распечатай и в церковь отнеси, может, там тоже посмеются».

«Ага, догонят и ещё раз посмеются!»

«Слушай, – вдруг вспомнила Полина. – У меня знакомый программиста ищет, может, ты передашь своему товарищу?»

«А твой знакомый будет ему платить три штуки евродолларов в месяц?»

«Откуда я знаю, короче, я тебе его номер дам, вы поговорите».

«Ладно, давай!»

В этот момент послышался звон ключей, защёлкал замок, открылась входная дверь, и в квартиру вошёл Артём с двумя сетками, в каждой из них сидело по два арбуза.

– Так и знал, что забудешь, решил сам созвониться, и за ними съездить к нашему укропу помидоровичу! – укоризненно заявил он.

Странный сон

Время близилось к девяти часам вечера. Полина, сославшись на головную боль, залегла в постель и попыталась читать первую попавшуюся в шкафу книжку. Ею оказались «Хроники Корума» Майкла Муркока. Но вместо увлекательных картин из жизни древних богов, рисуемых автором, перед глазами Полины появились Берт Уоллес и Самико Идзуко. Что связывает этих людей? Почему Инвайдер заставил её читать новеллы с их участием? Важен ли во всей этой истории Манхэттен и есть ли хоть какой-то смысл в бумажных журавлях? Полина стала догадываться, что первая новелла посвящена башням-близнецам, рухнувшим 11-го сентября. Но что связывает эту драматическую катастрофу с атомной бомбардировкой Хиросимы? Да, разбираться в мыслях извращенца нелегко, тут даже вечный воитель с рунным посохом в руках не поможет…

Тем временем, Артём, оставив арбузы, сбегал в магазин, купил продуктов и занялся приготовлением рыбного супа из сайры, о которой тут уже упоминалось. Полина долго пыталась заставить себя читать, но тщетно: буквы прыгали, суетились, царапались, но никак не хотели читаться. Наконец, она зло захлопнула книгу и решила посмотреть телевизор, которого не было. Точнее был, но старый «ящик» сломался и включался лишь один раз на десять попыток. На новый аппарат же денег у семьи пока не хватало, так как Артём изъявил желание купить, мало того, что плазму, так ещё и каких-то чудовищных размеров с чудовищной же стоимостью.

Полине ничего не оставалось, как прикрыть глаза и подремать. Ей начал снится сон, в котором она долго брела по пыльной дороге, мучимая голодом (всё-таки бутерброды её не насытили) и жарой (что всё терзала и терзала Москву). Пройдя мимо старой ржавой бензоколонки, она заметила небольшое кафе с вывеской, гласившей заглавными буквами: «ЗДЕСЖРАТ». Ниже висела другая: «На постоянную работу в ресторан требуются мастера питательного дела. Опыт работы в общепите не менее 2-х лет. Знания „perl“, „php“. Приветствуются навыки в ООП».

Чуть поодаль маячила мутная фигура в капюшоне, то и дело поглядывающая, то на Полину, то на растопыренные пальцы своей правой руки. Похоже, она была альбиносом: её длинные и белые как снег волосы свешивались из-под капюшона, стелились по груди. А на ладони явно что-то лежало, что-то очень для неё важное. Вдруг фигура уставилась на Полину и прошептала еле слышно:

«Экзалтум…»

Что это значило, Полина не поняла, но, несмотря на расстояние хорошо расслышала диковинное слово.

Здоровый, почти в рост человека, кролик в клетчатых штанах с пистолетом в лапе возник прямо рядом с девушкой и, тыча второй лапой в бензоколонку, проглатывая звук «л», громко крикнул:

«Я не заправъяюсь на „Уукойве“!» – после чего бесследно испарился.

А над всем этим в небе парила огромная розовая креветка.

Полине очень сильно хотелось есть. Войдя внутрь кафе, она увидела ряды кресел, стоявших вдоль длинного окна и стойку бара. Посетителей не наблюдалось.

Полина подошла к стойке. На ней в оправе из оргстекла стояло меню, которое предлагало весьма странный набор блюд. Полина принялась читать. Но из того, что она смогла разобрать, был лишь квас «Три вокзала», «вытяжка титанов с гарниром» (что это?!) и «мятная пастилка с креозотом (рвотное)».

Полина не знала, что ей выбрать. Но тут здание задрожало. Сверху посыпались серебряные звёздочки и конфетти. Стена, где стояли бутылки с напитками, рухнула и прямо

на Полину уставилась металлическая морда огромных пассатижей. Они начали раздвигаться и медленно поплыли прямо на неё.

Полина выскочила из ресторана и бросилась сквозь густой лес. Пассатижи ринулись за ней. Они летели всего в метре от Полины и громко клацали своими стальными челюстями, норовя цапнуть девушку за голые пятки, издавая при этом мерзкий жужжащий звук. Подобно киношным героям, Полина лихо перемахивала через высокие заборы, изящно

скользила по бегущим ручьям, грациозно взлетала на отвесные стены. Но проклятый инструмент не отставал. Напротив, он ещё яростнее стал щёлкать своими намасленными жвалами, сдвигая и раздвигая красные прорезиненные ручки.

В какой-то момент Полина поняла, что силы покидают её, а чувство голода становится невыносимым. Ноги начали вязнуть в липком эфире, руки беспомощно цеплялись за колючие ветки, а рот жадно хватал несуществующий воздух. Наконец, она сдалась и упала на дно тёмного глубокого колодца. Пассатижи нависли над ней громадной тенью, сказали:

– Суп готов, ты будешь?

– Чего?! – вскрикнула Полина, подпрыгнув на кровати. Рядом стоял Артём, держа в руке полотенце.

– Я говорю, суп рыбный сварил. Тебе налить?

– А—а… – протянула Полина. – Извини, приснился кошмар. Да, налей немножко, я сейчас…

Артём вышел из спальни, а Полина села и помотала головой:

«Ну и бред… Впрочем, не удивительно после всего этого…»

Она встала, надела тапочки и побрела в ванную, чтобы умыться. Незнакомое слово быстро улетучилось из её памяти…

Уже почти стемнело. Артём лёг спать сразу после трапезы, наотрез отказавшись мыть посуду и даже не намекнув на секс. Полина была только рада этому: ей предстояло снова выходить на поле брани с неизвестным злом, которое уже ровно сутки держало в осаде её свободу. Вскоре ей предстояло включить компьютер, войти в сеть и ждать, что ей напишет проклятый Инвайдер.

В «аське сидели» пятеро: Гор, Фунт мяса, Лёха, Brabus и Piggy. exe. Инвайдер ещё не появился, во всяком случае, его контакт оставался красным.

Полина заварила себе лапшу (парадоксально, но в состоянии нервного напряжения ей захотелось не домашнего супа, а именно дешёвой быстро завариваемой лапши) и стала ждать неизбежного. Говорить ей ни с кем не хотелось, хотя и надо бы поблагодарить Лёшу за арбузы… К счастью, он написал первым:

«Ну как, арбузы доставили?»

«Да, муж».

«В смысле понравились?»

Полина попробовала только маленький кусочек, тот оказался сладким.

«Да, спасибо, хорошие».

«У нас тут проверка была, – продолжал Лёша, – нашли целый склад арбузов, который продавали в обход учёта. Почти полную фуру набили, но кто-то донёс. Вот мы и списали часть».

Полина ничего не ответила. Она посмотрела на часы (23:59), на красный контакт Инвайдера, на красный контакт Игоря. После того, как Артём уснул, она сделал ещё одну попытку дозвониться до него, но и на этот раз чуда не произошло.

«Не надоело названивать?» – Полина аж вздрогнула, открыв окно диалога. Стараясь чувствовать себя как можно увереннее, она напечатала:

«Я прочитала про японскую девушку».

«Очень хорошо! Какие выводы?»

«Я не знаю».

«Вот глупая! Ты что, не понимаешь, что от твоих действий зависит судьба человека? Любимого человека, между прочим!»

«Давай ближе к делу», – сухо ответила Полина, хотя её пальцы уже начали дрожать.

«Чтение новелл без должного анализа бессмысленно!»

«Что конкретно я должна понять из них?»

«Всё тебе скажи! Думай, думай, девочка! Что может связывать их? Какое явление или процесс или чувство? Ты же не такая тупая, какой прикидываешься, а я с тобой потерял уже сутки, без какого бы то ни было вразумительного результата!»

«Когда ты освободишь Игоря?» – спросила Полина.

«Не знаю! Ты же не хочешь шевелить мозгами! Впрочем, я предполагал, что так и получится. Ты всего лишь маленький и жалкий человек, надо быть снисходительнее… Значит, так. Если ты не можешь ответить на простой вопрос, придётся отправить тебя за третьей новеллой. Не бойся, это недалеко. Ты найдёшь её в своём почтовом ящике. Я имею в виду настоящий ящик, металлический, который висит у тебя в подъезде. Спустись к нему минут через двадцать».

После этих слов Инвайдер отключился.

«Почтовый ящик, – сокрушённо повторила про себя Полина. – Он знает, где я живу. Я так и думала… Двадцать минут… двадцать минут! Наверное, именно за это время кто-то успеет приехать, войти в подъезд и положить послание в ящик! Ну, конечно! Значит, если выйти прямо сейчас, можно поймать злоумышленника! Что делать? Будить Артёма или звонить в милицию? Нет… нельзя, тогда откроется история про Игоря… Что же делать?!»

Полина заметалась по комнате как по клетке.

«Если написать Машке… Нет, даже если она оперативно поймает такси, не успеет… А кому ещё?»

Полина не могла доверить свою тайну никому, кроме Игоря и Маши. Она посмотрела на часы и решила спускаться одна. Взяв со стола кухонный нож (Полина всерьёз думала, что сможет им что-то сделать) и, спрятав его под одеждой, направилась к выходу из квартиры. Открыв дверь и выйдя в тамбур, она услышала на лестничной площадке слегка нетрезвые голоса. Один из них жарко повествовал:

– Ну и вот, значит, мне после недели бухла и жрачки как живот схватит! Я говорю Наташке, извини, срочно в сортир надо! Ну, вхожу, а там все кабинки заняты. Думаю, чего делать? Раз, одна открывается, выходит, значит, какой-то местный турок, ну я – пулей внутрь. И главное, смотрю, значит, а стульчак лежит. Ну, думаю, вот козёл, не поднял, быдло бусурманское! И, значит, гляжу, а там весь толчок в блевотине!

– Да ладно, серьёзно? – смеясь, отозвался второй голос.

– Да я тебе говорю! Этот урод там блевал, короче, понимаешь? Ну, я думаю, ладно, с кем не бывает… Но мог бы слить за собой, придурок! Значит, я бумажку постелил, сажусь, всё нормально. Думаю, надо бы отлить. Я, значит, рукой член поправляю, а тут у меня что-то нос зачесался…

– Блин, может не надо дальше! – уже почти хохоча, предостерёг второй голос.

– Ни хрена, слушай! Так вот, я нос-то почесал и чувствую, какой-то запах от пальцев странный… Думаю, что-то тут не так! Я смотрю вниз и вижу, что член весь измазан в блевотине…

– А-а-а! Колян, заканчивай, нафиг! Я сейчас сам проблююсь! – второй голос, похоже, переходил в истерическое состояние.

– Оказывается! Ты прикинь, оказывается, это чмо обгадило не только толчок, но ещё и ободок унитаза, ничего за собой не почистив, да ещё и положило сверху стульчак! Вот сука! Я эту гниду был готов догнать и убить на месте! Короче, пришлось извести кучу бумаги, чтобы оттереться!

– Ну, у тебя и истории, Колян! Я не могу! – второй голос срывался на плач. – Ты в следующий раз предупреждай что ли!

– Ну а что? Правда жизни!

– Так ты это… ты понимаешь, что ты зашквареный теперь? Ты б не рассказывал никому, что ли!

– Да не, всё пучком! Это ж не обоссали! По блатным понятиям блевотина не считается поводом для обидки.

Полина невольно улыбнулась, представив картину как Колян с красным от гнева лицом, старается оттереть разные части своего тела от следов нечистоплотного турка. Она открыла дверь и сказала:

– Ваши разговоры слышно аж в квартире.

– О, Полина, привет! – сказал обладатель первого голоса. Он тоже улыбался, видимо, рассказ о своем незадачливом посещении общественного туалета в турецком аэропорту приносил ему самому немало удовольствия.

На «лестнице» распивали пиво и мирно «тёрли за жизнь» представители местной шпаны – Колян и Данила. Артём называл их на латинский манер gopnicus vulgaris, поскольку они носили спортивные костюмы с ботинками, и часто сидели у подъезда на корточках и плевали на расстояние. Колян подрабатывал системным администратором, Данила – слесарем в автосервисе. В общем и целом, это были спокойные парни, которые, если и притесняли кого-то, то делали это где-то в других районах города. К жильцам, снимающим в доме квартиры, они относились прохладно, но Артёма побаивались, и поэтому никакой угрозы для Полины не представляли. Как-то раз Артём, встретив в подъезде их обоих, находившихся в сильно нетрезвом виде и попытавшихся что-то ему «объяснить», пообещал при случае позвать своих друзей «чеченцев», если они станут «возникать» и разом решить весь «местный гоп-вопрос». Крупный, коротко подстриженный, одетый в чёрную форму сотрудника ЧОП’а, а главное, воевавший во Вторую чеченскую войну Артём, умел убеждать.

– Привет! – махнул рукой Данила. – Ты слышала, чего тут Колян рассказывал! Пипец, я не могу! Давай, – обратился он к Коляну, – расскажи ещё раз даме, слышь!

– За углом поссышь… Потом. Не люблю одно и то же мусолить в короткий период времени. Как дела Поли? Чего это ты без мужа-то вышла? – Колян хитро прищурился.

– Хочешь пива? – предложил Данила. – Сейчас ещё сгоняем.

– А давайте! – вдруг совершенно неожиданно для себя решила Полина. – Что у вас?

– Вот… – Данила открыл бутылку и протянул её Полине.

У Полины ещё в тамбуре, когда она узнала голоса, появилась хитрая идея, и теперь настал момент воплощать её.

– Ребята, вы в магазин собираетесь? Может, вместе спустимся, мне надо газеты забрать.

– Ну, пойдём! – быстро согласился Колян. Он вызвал лифт, и уже через минуту они были на первом этаже.

– Давайте постоим немного, поболтаем, – предложила Полина. Она не совсем понимала, о чём можно поговорить с этими ребятами, но как минимум пятнадцать минут ей было необходимо провести около почтового ящика.

«Что делать, если появится агент Инвайдера? А ведь он, должно быть, знает, как я выгляжу, значит, сделает вид, что идёт мимо. Хорошо бы спрятаться. Но тогда можно его пропустить…» – Полина колебалась, не зная как лучше организовать засаду. Наконец, она решила, что пусть всё будет так, как будет.

В это время Данила рассказывал уже свою историю:

– А вот ты, Полина, слышала о рисунках на машинах?

– Рисунки? Ну… делают, аэрография, называется.

– Да не, не сама тема. В нашем дворе кто-то стал рисовать на тачках всякие надписи, прикинь. У Санька его бэху попортили… Потом, у Вадима, он из четвертого, десятку разрисовали.

– Этот, как его… – вмешался Колян, – Саркис, помнишь? Армянин. У него тоже на фольце.

– Короче, какой-то козёл ходит и всем тачилы портит. Причём, никто ничего не видел, никто ничего не знает!

– Ой, – Полина нарочито нахмурилась, – я не в курсе. У нас машины пока нет, нам это не грозит.

– Ну, вам-то не грозит, – заметил Колян, – а другим честным людям ещё как грозит. Не знаю, кто это делает и зачем, но если поймаем, мало не покажется! Морду начистим и на лавэ как гада поставим!

В подъезд вошёл долговязый белобрысый верзила с сумкой через плечо. Он прошёл мимо компании, ни на кого не взглянув. Колян внимательно проводил его взглядом, пока тот не зашёл в лифт и не уехал.

– Кто это? – спросил он, взглянув на Данилу.

– Не знаю, первый раз вижу. Может, родственник какой-то?

Полина тоже внимательно проследила за незнакомцем, но ничего не сказала.

Затем Данила стал рассказывать о том, как он здорово проводит время в автомастерской. Полина узнала много интересного о таких вещах как карбюраторы, глушители, колёса, резина, стекла, тонировка, оцинковка, свечи, аккумуляторы, провода, трубки, насосы, фары, лампы, диоды, ключи, болты, гайки, крылья, бамперы и много ещё чего-то такого, что грудой металлолома обрушилось на её уши. Данила то говорил спокойно, то переходил на свист ветра в приоткрытом окне, потом скрежетал ржавым металлом, затем шелестел как новая покрышка по свежему асфальту. Иногда он грохотал как пресс, иногда срывался на визг тормозов, иногда жалобно замолкал, пережидая, когда включится зелёный свет и тогда всё повторялось снова. Наконец он выдохся и закончил свою речь так:

– И эти скоты хотят меня выгнать! Да я в мастерской три года официально проработал, а так, ещё с пятого класса тачки чинил! Я профи! Им такого поискать ещё придётся! Вот твари!

– Ну и уходи от них, раз не ценят, – Колян отхлебнул из своей бутылки. – Вон, сейчас в регионах торгуют деталями, найди себе партнёров. Будешь в Москве для модных тачек запчасти покупать и им перегонять, или вообще, через посредника. У меня знакомый из Ульяновска как раз искал такого недавно.

– Да кидалова тут много, если знакомый, это одно, а так… И потом, мало ли что у этого знакомого на уме? Сегодня кент, завтра мент…

Полина достала телефон. Часы показывали 00:18. Это значило, что ещё пара минут, и срок, отведённый Инвайдером, кончится. Кроме долговязого парня никакой новой миграции жителей в подъезде не наблюдалось. А пиво у ребят к тому времени подходило к концу.

– Ну, ладно, – подытожил Данила, – у меня закончилось, надо в магазин. Ты, что-то пьёшь медленно.

– Да, – протянула Полина, – не люблю быстро пить.

– Ты свои газеты-то будешь брать? – спросил Колян, уже направляясь на выход.

– Кончено, сейчас.

– Ну, ладно, давай! – крикнул ей Данила. – Мужу привет! Заходи к нам в беседку как-нибудь, поболтаем!

– Хорошо! – Полина проводила их взглядом и, когда основная дверь закрылась, повернулась к почтовым ящикам. Двадцать минут прошли. К ящику никто не прикасался.

Достав ключ, Полина вставила его в замочек и повернула. Открыв дверцу, она осторожно просунула руку внутрь.

И нащупала там несколько листков бумаги.

– О, господи… – только и смогла вымолвить Полина. Вздохнув, она побрела к лифту.

Состав ночных собеседников пополнился Дамочкой – старой школьной подругой Полины Ларисой.

«Интересно, что это она забыла, на ночь глядя? Я её в такое время сто лет уже не видела».

Brabus же, то есть Настя, тем временем перешла в режим «не доступен». Когда-то Настя вместе с Полиной ходила на курсы немецкого языка, но обе быстро бросили эту затею.

Отодвинув ноутбук в сторону, Полина разложила листки. На этот раз она забыла о своей идее читать их через пакет, сохраняя, таким образом, отпечатки пальцев автора или курьера. Называлась третья новелла так: «Мануэль Гонсалес».

Мануэль Гонсалес

Видения, а тем более видения, вызванные ядерным взрывом, могут иметь крайне выраженные свойства, как по звуковому, так и по визуальному содержанию. В отдельных случаях они способны даже передавать запахи и прикосновения, вызывать подсознательные ощущения и эмоции. И даже позволяют слышать особые голоса…

Самико видела незнакомого человека. Он сидел за красивым массивным столом, перед громоздившимся там непонятным ей оборудованием. Змеями тянулись от него провода; один из них заканчивался микрофоном, что стоял прямо напротив сидящего. Похоже, что хозяин кабинета недавно произносил речь. Рядом на столе лежал… Да, похоже, что автомат, автоматическая винтовка, но такую Самико ещё ни разу не видела.

Человек нервничал. Его голова с аляповатыми квадратными очками нервно подёргивалась, правая рука то и дело принималась барабанить пальцами по столу. Позади человека на стене Самико разглядела два портрета. С одного из них на девушку смотрело весёлое, обросшее, но сдержанное лицо. Его хозяин носил берет с красной звездой, и, казалось, олицетворял своим взглядом решительность и действие. Второй портрет тоже принадлежал бородатому типу, но этот улыбался во весь рот, держал меж зубов длинную сигару.

Периодически слышался отдалённый грохот и треск автоматных очередей. Доносилась отчаянная ругань на незнакомом языке, кто-то громко кричал.

«Обычно во всех своих видениях я слышу иностранную речь и не понимаю её, – подумала Самико, – но сейчас мне кажется, что я узнаю эти слова… Да, определённо. На похожем языке говорили те люди, облачённые в серые одежды, из видения…»

Раздался взрыв. Человек вздрогнул, с потолка посыпались небольшие фрагменты покрытия, осколки люстры, воздух наполнился пылью. Человек закашлял и принялся махать перед собой руками.

Дверь кабинета распахнулась, и внутрь влетел тип, с ног до головы обвешанный патронными лентами. В руках он держал такой же автомат, как и тот, что лежал на столе.

– Президент! – крикнул он. – Они подняли самолёты! Дворец обстреливают с самолётов!

Самико всё поняла. Сидящий в кресле, по-видимому, и являлся президентом. Он повернул голову, взглянул на ворвавшегося в его кабинет бойца и произнёс:

– Мануэль, я сделал всё, что мог. Я останусь здесь.

– Но сеньор президент, это безумие! Мы ещё успеем сдаться! Но надо спешить, у нас несколько минут!

– Сдаться? Для чего? Чтобы нас бросили за решётку? Чтобы я, спасая свою шкуру, признался во всех грехах? Нет, этого не будет! Я уже сказал об этом своему народу в радиообращении.

– Они обещают, что выпустят нас из страны! Мы сможем перебраться к Фидэлю, а, может, даже и в Советский…

– Это всё ложь, – перебил его президент. – Точно такую же мы слышали всё лето.

«Советский… Союз? – предположила Самико. – Выходит, эти парни на одной стороне с Советами, выходит, это наши враги?» – Она, конечно, не знала о том, что СССР объявил Японии войну сразу после бомбардировки американцами её города, но среди населения империи эта загадочная страна евреев-большевиков всегда представлялась как потенциальный враг. К тому же, она противостояла союзной Германии.

– Боже мой! – продолжал кипятиться Мануэль, – у нас нет никаких шансов! Они взяли город в кольцо, солдаты уже на улицах! У наших сторонников нет оружия, мы не можем противостоять армии!

– Сдавайтесь, если хотите… – махнул рукой президент. – Я решил оставаться здесь и держать оборону до последнего…

– Что? А, бросьте! Вы наслушались сказок этих ваших… – Мануэль махнул рукой в сторону портретов. – Деятелей! Посмотрите, к чему нас всех это привело!

– И после этих слов вы предлагаете мне бежать на Кубу? – Президент грузно поднялся из-за стола, и, подойдя к Мануэлю, обнял его за плечи. – Прощайте, мой друг! Вы оставались верным соратником в нашей борьбе за свободу, за коммунистическое будущее… Но сегодня мы проиграли. Я оказался страшно недальновиден, дав им столько власти… Я верил своим подданным… Мне нужно было раньше понять, что происходит, но я был слишком занят собственной политикой. Плебисцит… Даже этот чёртов плебисцит мы не успели… Да, надо было послушать Пратса… Теперь я заплачу за всё это сполна…

Мануэль молчал. Он затравлено оглянулся на дверь, затем – на президента. Отстранившись от него, он поднёс руку к голове, отсалютовал. После этого быстро повернулся, но, сделав пару шагов в сторону двери, остановился.

– Хотите остаться героем? – не поворачиваясь, бросил он. Но, не дождавшись ответа, вышел.

Самико видела, как президент вернулся к столу, взял в руки автомат. Он поднял голову, посмотрел на один из портретов и тихо произнёс, почти прошептал:

– Вот он и пригодился…

Тут Самико поняла, что может не только смотреть в одном направлении, но и обозревать панораму. Она направила свой взгляд назад и увидела красивое окно, за которым, судя по звукам выстрелов, происходило отдалённое сражение.

Она решила покинуть кабинет президента и подобно призраку последовала за Мануэлем. Нагнав его в коридоре, когда он подходил к группе таких же, как и он вооружённых людей, стоявших рядом с парадной лестницей, Самико услышала оживлённый разговор:

– Он не желает выходить. Я не смог убедить его, – проговорил Мануэль.

– Всё кончено, мы продержимся тут максимум час, – бросил другой боец. – Что будем делать?

– Я предлагаю сдаваться! – крикнул какой-то парень. – Что толку, если мы убьём еще десяток солдат? Мы уже ничего не изменим!

– Фернандо прав, какой смысл сопротивляться, если у них в руках самолёты? – крикнул кто-то ещё.

Самико задумалась.

«Это плохие парни или хорошие? Совершенно точно, что они набедокурили, а теперь наступила расплата. Наверное, их президент, подобно нашему Императору, посчитал благом захват соседних государств? Решил сам вершить волю других народов? Сделать свою страну империей, как и нашу? Или как немецкий Рейх, канцлер которого хотел объединить всю Европу под своим руководством…»

Самико поразилась своим мыслям. Раньше ей бы и в голову не пришла фраза «захват соседних государств». Война Японии с сопредельными странами носила священный характер, ставила своей целью укрепление империи и возрождение японской нации. Даже жестокое уничтожение Нанкина девушка считала благом для своей страны. А теперь Самико склоняется к мысли, что это был захват…

«Возможно, это последствия той вспышки, контузия, временное помутнение рассудка, – успокаивала она себя, – это пройдёт».

Вооружённые люди продолжали спорить. Несколько человек, что-то громко прокричав, побежали по лестнице вниз; среди них бежал и Мануэль. Самико поплыла следом за ним.

Они подошли к парадным дверям, испещрённым многочисленными следами пуль. Один из беглецов бросил автомат на пол и вынул из кармана белую тряпку, подняв её высоко над головой. Остальные также сняли с себя автоматы, в том числе и Мануэль, и, побросав их у стены, двинулись за ним.

На площади перед дворцом никого не было. Лишь несколько припаркованных у фасада автомобилей, получивших уже свою порцию свинца, да незначительный мусор. По периметру площади, теснясь к высоким многоэтажным офисным коробкам, будто тисками сжимающими дворец, стояли танки и грузовики. В небе над дворцом низко пролетел самолёт. Таких Самико ещё не видела и, не имея никакого другого объяснения происходящему, заключила, что находится в будущем. В будущем, всё ещё объятым пламенем взаимного истребления…

«Неужели этот ужас ещё не закончился? – подумала она. – И что стало с Японией, что стало с моими родителями?»

Она вспомнила надменное лицо Мисоры, её браваду. Ей стало искренне жаль подругу, которая сгорела вместе с мостом в той адской вспышке. И родителей стало жалко, и дядю Суэхиро… И всех жителей, и всех солдат… И себя тоже… Сколько ещё городов было сожжено этим новым оружием? Или… целя страна?!

Группа людей, тем временем, под защитой белой тряпки быстро двигалась по краю фасада. В этот момент ещё один бомбардировщик совершил снижение и выпустил по дворцу реактивный снаряд. Он врезался в одно из окон, разорвавшись клубами пламени и дыма, обрушив вниз куски камней и оконных решёток.

Группа шарахнулась, и парень с белым флагом ещё отчаяннее замахал своей тряпкой.

– Солдаты, скорее всего, заняли позиции на крышах офисов, мы для них лёгкая мишень! – прокричал Фернандо.

– Ничего, – отозвался парень с флагом, – они нас не тронут…

– Уверен?

– Не очень…

Они достигли края здания, перебежали через дорогу. Прямо перед ними оказалась баррикада с несколькими солдатами и двумя офицерами.

– Не стреляйте! – крикнул Мануэль. – Мы без оружия!

Солдаты вышли из укрепления, держа группу под прицелом автоматов.

– Руки на затылок! – скомандовал офицер. Он что-то сообщил по рации и добавил:

– Встать у той стены, пока не приедет транспорт. За любое движение – расстрел на месте.

Люди разместились у стены, расставив ноги, скрестив руки на затылке. Их было пять человек. Один из солдат стал позади них, направив на них автомат.

«У солдат другое оружие, – отметила Самико. – Значит, это армия другого государства? Они агрессоры или воины-освободители, несущие возмездие? Наши… союзники?»

Снова затрещали очереди, раздалось несколько взрывов. Самико увидела, как со стороны городского квартала быстро подъезжает грузовик, как оттуда спрыгивают солдаты. Всех пятерых пленных заставили сесть в кузов, двое солдат уселись с ними. Грузовик отъехал, быстро нырнув в одну из боковых улиц; за ним последовала и Самико.

Мимо проносились улицы. Самико видела везде следы недавнего, а местами всё ещё продолжающегося боя: битое стекло, баррикады, трупы людей… Она уже привыкла к этим картинам, и они не пугали. А грузовик ехал дальше, миновал ещё одну площадь, свернул, начал петлять по неизвестным кварталам города. Остановился у очередного патруля, военные принялись сверять документы… Через минуту конвой был снова в пути.

Мануэль наклонился к одному из парней и тихо сказал:

– Интересно, Себастьян, в какую тюрьму нас везут?

– В какую бы ни отвезли, ничего хорошего нас там не ждёт, – буркнул в ответ парень.

– Я так не думаю. То, что происходит сейчас – эта стихия, такие вещи неизбежны. Президенту нужно было пойти на уступки, и он остановил бы кровопролитие. Чёрт… Нет, он решил биться до конца, а теперь и мы, мы, те, кто направлял страну на новый курс, стали заложниками бунтарей! Жаль, конечно, что всё так получилось, чертовски жаль… Ведь вот-вот должен был состояться плебисцит!

Он глубоко вздохнул и продолжил уже громче:

– Но наша доблестная армия решила взять ситуацию в свои руки. Да только кажется мне, что она немного перестаралась. В конце концов…

Но Мануэль не успел договорить: один из солдат, конвоировавший их, замахнулся автоматом и ударил прикладом Мануэля в челюсть. Пленник повалился на пол грузовика.

– Что вы делаете?! – воскликнул Себастьян.

– Заткнись, марксистская мразь! – рявкнул солдат. – Скажите спасибо, что вас не кончили прямо у дворца!

По лицу Фернандо было видно, что он поражён. Он переводил взгляд то с солдата на Мануэля, то с Мануэля на солдата, не понимая причину этой ненависти.

– Простите, но мы заключённые, вы не имеете права…

Солдат привстал, потянулся к Фернандо и схватил его за воротник. Он приставил дуло автомата к его горлу, от чего голова Фернандо карикатурно запрокинулась назад, прошипел:

– Из-за таких красных выродков как ты, мой отец потерял всё своё состояние! Но ничего. Сейчас вы за всё ответите! Ты ещё пожалеешь, щенок, что родился на свет! – с этими словами он оттолкнул парня назад. Фернандо подобно Мануэлю, упал на дощатый пол грузовика.

Изо рта Мануэля потекла кровь, он с гневом смотрел на солдата, не решаясь что-либо сделать, прижимая к лицу платок.

– Вы все сдохнете, ясно?! – заорал солдат. – Я лично буду расстреливать вас. Знаете почему? Нет, не только за развал экономики, не за долги! Просто мне это нравится! Хочу сделать мир чище! Русских свиней наслушались, да? Так я вам покажу ваш несчастный коммунизм во всей красе!

– Эдвин, да успокойся ты, – осадил его второй солдат. – Держи себя в руках.

– Чёрта с два! – кипятился Эдвин. – Они должны знать, что их ждёт! Отправитесь в ад следом за своим бездарным президентом! Скопище дерьма, отбросы! Вы за всё ответите, за всё, клянусь!

Самико слушала как Эдвин всё больше и больше распалялся.

«Наверное, – думала она, – эти парни в чём-то очень сильно виноваты. Жаль, они кажутся мне такими… красивыми что ли? Неужели, они всё-таки преступники и заслуживают наказания?»

Грузовик, тем временем, поехал по аллее, которую обнимали ряды высоких деревьев. Он пересёк какой-то КПП, где тоже толпились солдаты, и въехал на огороженную территорию. Остановился перед массивным сооружением: из кузова виднелась только отбрасываемая им тень. Офицер, сидевший в кабине, пустился в перепалку с патрулём, но вскоре этот разговор стих, и грузовик продолжил движение. Он въехал внутрь большого подъезда и люди, сидевшие в кузове, судя по охватившему их возбуждению, увидели знакомые очертания:

– Это же Национальный стадион… – прошептал Фернандо.

– Что ж, разумно с их стороны, – так же шёпотом отозвался его сосед. Оба они сидели у самой кабины и солдаты не слышали их диалога.

– Готовая тюрьма под открытым небом, а главным палачом здесь будет солнце… Да… Генералы хорошо сэкономили на расходах!

Грузовик проехал подъезд и остановится прямо напротив трибун. Солдаты спрыгнули вниз и велели пленникам выпрыгивать следом. Когда Мануэль оказался на беговой дорожке, Эдвин ещё раз со всей своей ненавистью ударил его прикладом в плечо, крикнув вдогонку:

– Пошёл! Будешь развлекать своей демагогией остальных оборванцев, тебе тут самое место!

Мануэль ничего не ответил и поспешил вслед за остальными, держа, как и все руки на затылке. Кровь капала из разбитой скулы, но едва он дотронулся до неё платком, как второй солдат крикнул, чтобы тот держал руки, где полагается.

Однако он не казался столь злым как Эдвин. Действительно, отведя пленников на трибуны, он заговорил спокойным тоном:

– У Эдвина плохое настроение, не знаю, чего это он так на вас взъелся… Но могу сказать одно: положение у вас незавидное. – Он огляделся и продолжил: – Здесь, как и на некоторых других крупных объектах города собирают всех, кто оказывал сопротивление войскам. Мой вам добрый совет: держите языки за зубами и не говорите о том, что вы из дворца.

Солдат повернулся и ушёл.

– Сама галантность, – заметил один из пленников.

– Как знать, Луис, как знать… – пробормотал ему в ответ Фернандо.

– Помогите Мануэлю, нужно остановить кровь, – сказал Луис. – Чёрт, да у него сломана челюсть!

Все пятеро были подавлены и переживали эмоциональный шок. Они пребывали в уверенности, что этот переворот, эта кутерьма – лишь спонтанная реакция военных кругов на ситуацию в стране. Они думали, что узурпировавшая власть четвёрка генералов, провозгласившая себя временной хунтой, хочет лишь взять эту ситуацию под свой контроль, не допустить гражданской войны и хаоса. Но то, что они увидели на этом стадионе, заставило их усомниться в своих надеждах. То, что поначалу не бросилось им в глаза, теперь рушило их надежды в прах.

Самико тоже решила осмотреться. Она взмыла вверх, временно оставив пятерых человек, и окинула стадион взглядом.

Стадион оказался весьма масштабным сооружением. Самико ещё никогда лично не видела ничего подобного, за исключением демонстрировавшегося в кинотеатре фильма «Олимпия», созданного в союзной Германии. Фильм повествовал о летних олимпийских играх в Берлине, но какого года, Самико не помнила. Тамошний стадион был, если и поменьше, то очень похожим.

Стадион заполняли люди. Сейчас их число не превышало и десятой части от количества доступных мест, но оно постоянно увеличивалось, поскольку у каждого подъезда толпились солдаты, загонявшие на трибуны всё новых и новых зрителей поневоле. И эти зрители, конечно, не казались любознательными болельщиками или праздными гуляками. Напротив, многие из них выглядели уставшими, растерянными, а некоторые даже ранеными. Самико воспользовалась своими сверхъестественными способностями и пролетела сразу мимо нескольких десятков человек, наблюдая жуткие подробности их пребывания здесь.

Многие сидели на скамьях трибун, некоторые стояли, ходили. Тот тут, то там, Самико замечала группы людей, жарко обсуждающие своё новое положение, однако, они всё время затравленно озирались, боясь, что их заметят солдаты: видимо, собираться и беседовать было запрещено. Большинство же хранило молчание.

По лестницам, что пересекали трибуны, неспешно расхаживали солдаты в блестевших на солнце касках, держа свои автоматы наготове. Некоторые из военных носили солнцезащитные очки, будучи, скорее всего, офицерами.

Солнце же тем временем поднялось почти в зенит, страшный день перешагивал свой главный рубеж. Грузовики постоянно доставляли к подъездам новые группы пленников,

а солдаты загоняли их на ещё свободные сектора стадиона. Некоторых, наоборот, выдёргивали, и вели во внутренние помещения, под трибуны. Многие из заключённых уже осознали масштаб произошедшей трагедии, а некоторые и вовсе понимали, что их личные шансы выйти живыми из этого Колизея, ничтожно малы.

Самико вернулась к брошенным ею товарищам. Мануэля среди них уже не было, остальные же горячо спорили и почти ругались.

– Ну и сходил бы сам, идиот! – орал парень, имя которого Самико в разговоре ещё не слышала. – Его же по телевизору все видели! Рядом с президентом!

– А что мне оставалось делать? Держать его силком?

– Тупица! Что теперь с ним будет?

– Откуда я знаю! Раньше думать надо было!

Самико заволновалась. Похоже, совет доброго солдата оказался проигнорированным: Мануэль куда-то отлучился, пока она парила над стадионом, и это вызвало у его друзей серьёзные опасения.

Она стала внимательно вглядываться в окружающих. Спустя какое-то время, она увидела Мануэля внизу, у того самого подъезда, через который и привезли пленников. Он стоял перед офицером под прицелом одного автоматчика, касаясь правой рукой разбитой челюсти. Самико мгновенно ринулась к нему и услышала их разговор. Офицер, надменно улыбаясь, говорил:

– Что, думал затеряться здесь? Не вышло! Вижу, ты уже получил немного нашего внимания. Да, не повезло тебе, что не подох во дворце. Чего молчишь? Где твои друзья, я спрашиваю? Мне сказали, что вас доставили сюда впятером. Где остальные?

Мануэль молчал. Офицер смотрел на него, улыбаясь, о чём-то думая, затем гаркнул одному из солдат:

– Развяжите ему рот!

Солдат перевернул в руках автомат и ударил Мануэля прикладом в живот, пленник упал. Затем солдат принялся бить его сапогом, стараясь попасть по лицу.

– Не жалейте этих красных тварей, это не люди! – громко прокричал офицер, обращаясь ко всем вокруг. – Они все заслужили смерти и все тут подохнут! Вопрос только в том, как именно!

Мануэль захрипел и попробовал поднять правую руку, защищаясь от ударов. Офицер крикнул солдату:

– А ну дай сюда!

Взяв автомат, он нацелился в Мануэля прикладом и с каким-то звериным рёвом ударил им по локтю правой руки. Мануэль закричал, и его рука беспомощно задёргалась на горячем покрытие беговой дорожки.

– Хорошо! – довольно произнёс офицер и отдал автомат солдату. – Вот, учись!

Он немного постоял, наблюдая за мучениями своей жертвы, затем, медленно опустив ногу на травмированный локоть Мануэля, повторил свой вопрос:

– Кто ещё с тобой бежал из дворца? И где они сейчас?

Мануэль хрипел, пытаясь прокашляться от заливающей рот крови.

– Что уставились, ублюдки? – рявкнул офицер на смотрящих на него из-за ограждения пленников. – И до вас очередь дойдёт!

Он привстал на ноге, стараясь поворачивать сапог так, чтобы ещё больше покалечить локтевой сустав Мануэля.

Вдруг, тот изловчился и, дёрнувшись всем телом, схватил офицера за сапог левой рукой. От столь внезапного рывка и явно неудобной основы, офицер потерял равновесие и упал.

Самико захотелось зажмуриться. Как-то раз один из солдат во время увольнения в город рассказывал ей, как, будучи в одном из концлагерей, они пытали американских военнопленных. Но тогда Самико считала американцев кровавыми захватчиками, хладнокровными убийцами стариков и детей, истребителями японского народа, как и учила её военная пропаганда. И ей ничуть не было их жалко, напортив, она радовалась мести. Теперь же Самико понимала, что кем бы ни был Мануэль, какие бы тяжкие и жестокие преступления он не совершил, его нужно судить, а не издеваться, как это делает офицер. Самико взглянула прямо в глаза офицера и поняла, что Мануэля не ждёт ничего хорошего.

– Ах ты, марксистская гадина… – прошипел офицер, поднимаясь на ноги. Двое солдат уже скрутили Мануэлю руки, приподняв его над землёй.

– Не трогайте его! – крикнул офицер. – Я с ним сейчас персонально разберусь!

Но в этот момент к нему подошёл другой военный, видно, немного старший по чину и небрежно сказал:

– Маркус, тебя вызывают на пост. Ты понимаешь, о чём речь?

Маркус перевёл взгляд на офицера, ответил:

– Слушаюсь! Этого козла, – он повернулся к солдатам, – в секцию четыре, сюда. Пусть сидит там! И не трогайте его! Только следите, чтобы не сбежал!

Офицер поспешил прочь в сторону упомянутого поста, а солдаты потащили Мануэла к одной из дверей, выходящих внутрь подъезда. Самико поплыла за ними следом.

Полина прервала чтение. Она подняла глаза к потолку, посмотрела на люстру, затем, перевела взгляд на окно.

«Инвайдер – псих. – В очередной раз подумала она. – Псих с садистскими наклонностями».

Ей не хотелось читать дальше, опасаясь, что следом за возвращением офицера начнутся описания изощрённых пыток. Но она понимала, что чтение этой новеллы необходимо.

…Самико оставалась с Мануэлем до самого конца. Она видела, как его бросили на пол раздевалки, где уже лежало несколько избитых человек, ослабших настолько, что они даже не обратили внимания на нового узника. Затем, спустя, час пришёл Маркус и ещё два солдата. Офицер принялся лично избивать Мануэля, постоянно повторяя вопрос о его друзьях. Мануэль молчал, лишь изредка что-то хрипя и сплёвывая кровь. В какой-то момент его вырвало кровью.

– Ну, так и подыхай! – взорвался офицер. – Мы и без тебя найдём твоих вонючих дружков!

Он направил на Мануэля пистолет и несколько раз выстрел ему по ногам. Садист метил в колени, что, впрочем, ему не совсем удалось. Выпустив все пули, он остановился, отдышался и крикнул одному из солдат:

– Как подохнет, вынесите и погрузите в грузовик с остальными!

После чего вышел из раздевалки.

Один из солдат посмотрел на подёргивающееся тело Мануэля, затем на своего сослуживца.

– Что, так и оставим его? – спросил он.

– Не знаю, – ответил другой. – Лейтенант приказал ничего не делать пока.

– Это же бесчеловечно, – снова сказал первый.

– Тебе что, жалко коммуниста? Ты посмотри, что они со страной сделали? А эту рожу я хорошо помню…

Они помолчали. В наступившей тишине слышались лишь стоны раненых. Наконец, второй сказал:

– Ладно, поступай, как знаешь, я пойду. Я ничего не видел.

Первый солдат подождал, пока шаги его напарника смолкнут, затем, убедившись, что никто из военнослужащих не заходит в раздевалку, приставил дуло автомата к голове Мануэля и произвёл выстрел.

Самико вздрогнула, и видение поплыло перед ней. Она снова увидела мрачную процессию в балахонах, увидела парня с гитарой и гигантский корабль-крепость.

«Я поняла! – вдруг воскликнула Самико. – Я поняла!»

«Что ты поняла?» – отозвался внутренний голос.

«Люди в балахоне – это борцы первого порядка. Парень с гитарой – это производная от песни! А корабль, который разрушает всё на своём пути – это противодействие второго порядка! Это уравнение! Уравнение цикличности человеческой природы!»

Девушка очнулась. В воздухе пахло хлороформом. Где-то рядом стонали, слышался звон металлических инструментов, гомон множества голосов, возня, скрип несмазанных пружинных коек. Боль от ожогов прошла, видимо, её тело обработали специальной мазью. Но взгляд её ничего не видел, упирался в тёмную непроницаемую стену. Самико вздрогнула и вцепилась руками в бинты, наложенные на глаза.

Самико изо всех сил дёрнула руками и сорвала повязки. Сквозь кровавую пелену и ослепляющий свет электрической лампы вокруг неё начали вырисовываться окружающие предметы. Она лежала в больничной койке посередине большого помещения, в котором находилось ещё человек сто или больше. И с противоположной стены этого помещения прямо на неё смотрел круглыми стёклами застывших очков император Хирохито.

Текст кончился. Полина посмотрела на часы. Они показывали без пятнадцати час. Инвайдер так и не появился в сети. Уставшая от напряжения Полина решила, во что бы то ни стало, встретиться завтра с Машей и всё ей рассказать. Сейчас же ей хотелось одного – крепко выпить и столь же крепко уснуть. Сделав последний глоток пива из бутылки Данилы, она пошла на кухню и открыла холодильник.

Водка!

Это магическое для большинства населения России слово обладает поистине огромной властью над волей и разумом. Полина хорошо это знала, поскольку помнила Серёжу Мотко, полностью спившегося к концу третьего курса. Но сейчас она твёрдо решила выпить: волевым движением она достала бутылку, поставив на стол. На закуску пошла бутылка газировки, купленная Артёмом и недоеденный арбуз (честно говоря, Полина ничего не смыслила в хорошей закуске, да и в прямом доступе сейчас ничего не наблюдалось, кроме, разве что, рыбного супа и неприкосновенной банки с красной икрой).

Налив себе в рюмку огненной воды, а в стакан – газировки, Полина снова подумала о трёх новеллах. Что может их объединять? Ведь это «что-то» наверняка лежит на поверхности. Это как загадка на сообразительность. Например, лежит в поле мёртвый мужик с ранцем за спиной, вопрос: отчего он умер? Как-то Полина задала её своим однокашникам, и никто не мог ответить целую неделю. Но ответ оказался простым и логичным донельзя (пытливый читатель может попробовать сам ответить на него, а проверить себя он сможет ближе к концу нашей истории, или же, заглянув в интернет).

Так же и здесь. Слово, отвечающее на главный вопрос, связывающее все новеллы в одну идею. А, может, это не слово, а число? Может быть, сорок два?

Что общего между рухнувшими небоскрёбами, атомной бомбой и военным переворотом? Ну, да: дома взорвали, бомбу взорвали, дворец пытались взорвать, но вроде, остался цел. А причём тут могут быть бумажные журавлики? А ещё люди в балахонах, певцы с гитарами и корабли-ледоколы. И вообще, они как-нибудь связаны с общей концепцией или это так, метафоры?

«Замечай детали, – вспомнила Полина слова Инвайдера. – Да, бумажные журавли – очень заметная деталь».

– Ладно, чёрт с ними со всеми! – громко сказала Полина. – Завтра встречусь с Машкой, всё ей расскажу, и мы вместе прищучим этого гада! Уж она-то мне точно поможет!

С этими словами она взяла рюмку и опрокинула в себя её содержимое, затем быстро, по-студенчески, запила газировкой из стакана.

Немного поморщившись, Полина взглянула на бутылку. Какое-то время она просто глядела на неё, понимая, что до сих пор даже не обратила внимания на этикетку. На бутылке синими буквами было написано: «журавли».

Утро встретило Полину недобро. Неприятно сглотнув сухим ртом и больно уколов в голову, оно произнесло голосом Артёма:

– Ну, ты даёшь! Там же полбутылки оставалось! Нет, мне не жалко, конечно, но как-то странно… Ты ж вроде водку не любишь, с чего это ты?

Полине стало очень совестно. Она жадно пила воду из кружки и понимала, что выглядит сейчас в глазах мужа, мягко выражаясь, не очень. Ведь сам Артём выпивал редко.

– Понимаешь, Тём, ну так вышло… Захотелось расслабиться, а потом… Вчера же год как Пашка погиб!

– Какой ещё Пашка?

– Я разве не говорила тебе? Мой одноклассник, его машиной насмерть сбило, – быстро соврала Полина. Никакого Пашки одноклассника у неё, кончено же, не было.

– А… Ну, тогда ладно… Старого кореша помянуть – это дело святое, – мрачно произнёс Артём, глядя в пол. Он вспомнил своего друга Серёгу, который погиб во время спецоперации. История была до боли классической. Какой-то высокий чин отдал приказ о выдвижении группы в направлении села с предполагаемыми там бандитами. Дорогу гарантировали и обязались прикрывать с вертолётов. Но на полпути колонна попала под сильнейший обстрел. В результате несколько человек, включая Сергея, были убиты, судьба же остальных так и осталась неясной… Артём в свои восемнадцать очень хорошо познал горечь таких потерь.

Помолчав немного, он пошёл одеваться.

– Я сегодня задерживаюсь. У нас проверка, всех собирают на базе ЧОП’а, придётся тоже поехать. Ну, я тебе позвоню, там, ближе к делу.

– Хорошо. Я снова за кроссовками поеду, ладно?

– Поезжай, конечно. Купи, только не шибко дорогие, а то опять свою Марни наслушаешься. Она тебе снова мозги промоет своими дольчегабанами…

В этой фразе Артём намекал на недавний случай, когда Полина, послушав Марни, приобрела сумку Louis Vuitton за 5000 рублей, ту самую, с которой она и вынуждена теперь ходить «в наказание», невзирая на сочетаемость с одеждой и обувью. Впрочем, про обувь Полины разговор у нас уже заходил, тут тоже всё печально. Но самое страшное в этой истории то, что данная модель известной сумочки оказалась подделкой, правда, Полина об этом пока не знала. В «правильном магазине», куда бы непременно повела её Марни, такая же сумка продавалась раз в семь дороже. И Полина вряд ли смогла бы её приобрести.

– Между прочим, одевается она хорошо! А я себе кроссовки купить нормальные не могу.

– У неё папаша бизнесмен потому что. Вот ей делать и нечего, кроме как по клубам да по магазинам шастать.

– Артём, а это камень, в чей огород, а?

– Вообще-то, – немного помедлив начал Артём, – твой папа тоже не бедный. Вот на всякую ерунду у него денег и проси, а я ещё не раскрутился. – По его тону было видно, что этот разговор ему не нравится.

На самом деле Полина не хотела обижать мужа. Она знала его прямую натуру, его какую-то самобытную честность. В своё время Артём отказался работать на откровенных бандитов, обещавших ему неплохой доход. Он хотел всего добиться сам, притом честно,

и поэтому в дополнение к основной работе часто подрабатывал инструктором по технике рукопашного боя. К тому же он служил срочником в Чечне и знал о настоящих ужасах не понаслышке. Упрекать его в трудностях приобретения pure branded articles[4] было со стороны жены некрасиво.

[4] Изделия от именитых брендов (англ.)

Уроки логики

Когда Артём ушёл, Полина первым делом позвонила Игорю, по правде говоря, и не надеясь дозвониться. Во время ожидания ответа она испугалась, что услышит сейчас голос Инвайдера, но из динамика донеслось привычное «вызываемый абонент…»

Тогда Полина сконцентрировалась на Маше. Ей не хотелось лезть в интернет, боясь нового диалога с Инвайдером, поэтому более правильным решением стало позвонить ей тоже. Мария не отвечала.

«Вот, блин! Трахается что ли с очередной бабой…» – зло подумала Полина. Она перезвонила ей ещё, и ещё раз, но всё было без толку. Полине ничего не оставалось, как включить компьютер.

Она некоторое время медлила и прежде, чем запустить ICQ-клиент, проверила почту, форум автомобилистов (тщетно), почитала новости, зашла ещё на пару форумов, посмотрела, кто сидит в других сетях.

На почту пришло очередное письмо от Фокса Йововича. В поле «тема» значилось: «напихать смысловая». Текст письма гласил: «кишечного резачок». Ссылка вела на сайт, отображать содержимое которого браузер, запуганный антивирусом, категорически воспротивился.

Ещё одно письмо пришло от «Мстислава Вашего М.» Оно сообщало:

«Нательно не поднявшись, от черви взял Тихон, и с косою как-то набекрень славен. Своим пониманием не высказать, что с тех пор летели они извне и дороги всякие. После полун…»

Текст обрывался, возможно, подрезанный антиспам-фильтром. Никакой ссылки в нём не оказалось.

«Откуда только эта чушь приходит», – возмутилась Полина, удаляя письма.

Наконец, когда все второстепенные дела решились, Полина собралась с силами и запустила ICQ-клиент. Нервы её натянулись, а руки застыли над клавиатурой.

На этот раз Инвайдер уже ждал её. Кроме него в сети присутствовали только Piggy. exe и Маша. Какое счастье! Полина тут же ей написала:

«Маш, привет! Нужно СРОЧНО встретиться. Где, не важно. Но сегодня и, желательно, через пару часов!»

«Надеюсь, этот урод не отслеживает мои действия, – думала Полина. В конце концов, мало ли зачем я хочу с ней увидеться».

Она на мгновение замерла и быстро дописала:

«Твои билеты пропадут, если не заберёшь сегодня, поняла?»

Мария отличалась своеобразным складом ума, и Полина хорошо знала об этом. Другой человек на месте Маши спросил бы, о каких билетах идёт речь, но только не она. Мария бы задумалась над этой фразой и поняла, что Полина, возможно, находится в каких-то особых обстоятельствах, и эти билеты не что иное, как прикрытие. Но, увы, быстро ответить Маша не могла, ибо в данный момент она, искривившись всем телом, обнимала руками белый керамический предмет, периодически опуская в него голову в надежде облегчить свои страдания. Бурная ночь, проведённая в ночном клубе, взимала с неё высокую плату. Вот уже двадцать минут она корчилась и стонала, стараясь выдавить из себя последствия алкогольного отравления. И уж конечно, она не слышала звонков телефона и кваканье компьютера, а если и слышала, то не находила сил подойти.

Инвайдер начла диалог первым:

«Глупо было следить за почтовым ящиком, Поли. Ты что, до сих пор не поняла, что я контролирую каждый твой шаг? Какая же ты наивная!»

Полина промолчала. Её сердце бешено колотилось, но она подавила попытку оскорбить или оправдаться. Инвайдер продолжал:

«Молчишь и правильно делаешь. Слишком много болтовни, а толку никакого. Я, так понимаю, ты по-прежнему не можешь ответить на главный вопрос? Не можешь… Глупая Поли! Безмозглая Поли! Чему тебя только учат в твоём геодезическом институте? Карту Латинской Америки нарисовать-то сможешь? И отличить Колумбию от Бразилии?»

Полина молчала.

«Ладно, ближе к делу. Я даю тебе последний шанс. Если и после этого ты не ответишь мне, что связывает четыре, а их уже будет четыре, да, неслыханно! Так вот, если ты не ответишь мне, что связывает четыре новеллы, твоему любовнику – конец! А чтобы стимулировать твои действия, глянь-ка сюда».

После текста находилась ссылка, выглядевшая как полная галиматья. Обычно по таким адресам сидят коварные винлокеры[5], блокирующие компьютер и заставляющие беспечных пользователей самой надёжной в мире операционной системы в страхе отправлять скоропалительные SMS-сообщения хитрым злодеям, теряя при этом деньги.

Впрочем, Полину это сейчас не пугало. Она кликнула на ссылку, и в браузере открылось окно. Какое-то время работал кэш, скачивая потоковое видео, после чего появилось изображение.

«Это временная веб-камера, специально для тебя. Смотри же!»

Полина увидела больничную палату. На койке, укрытый зеленым покрывалом лежал человек, подключённый к аппаратуре. Он еле дышал – его грудь едва заметно сокращалась. Маска, одетая на лицо и плохое качество картинки не позволяли Полине узнать человека. На мониторе электрокардиографа прыгали, жалобно попискивая, сполохи сердечной деятельности. На столике рядом с капельницей стояли коричневые пузырьки с лекарствами.

У Полины появилось очень дурное предчувствие. Ей бы потребовалось всего пять секунд, чтобы понять масштаб открывшейся трагедии, но её опередила медсестра, внезапно возникшая в поле зрения камеры. Вероятно, кто-то ещё стоял за кадром, так как сестра, обращаясь к нему, стала докладывать о состоянии больного:

«Довлатов Игорь Дмитриевич, тысяча девятьсот восемьдесят третьего года рождения. Автомобильная авария. Поступил двенадцатого августа ночью сразу в терапевтическую реанимацию. Тяжелая открытая черепно-мозговая травма, отёк головного мозга, ушиб головного мозга. Общая потеря крови из-за небольших, но многочисленных ранений».

«Общее состояние?» – спросил голос.

«Состояние больного крайне тяжёлое, сознания нет. Реакция на внешние раздражители отсутствует. В течение суток пациенту проводится искусственная вентиляция лёгких под контролем параметров деятельности сердца и мозга. Пациент подключен к кардиомонитору. Пульс в пределах пятидесяти восьми, шестидесяти четырёх ударов в минуту. Артериальное давление под действием вазопрессоров в пределах девяносто на шестьдесят, сто десять на семьдесят. Суточный диурез в норме».

«Сердце?»

«Динамика слабая, большая кровопотеря. Сделано вливание кровезаменителя, плазмы, глюкозы из расчета. Донорскую кровь сразу не нашли, поэтому был заменитель. Метазон, кордиамин – стандартно».

«Терапия?»

[5] Вредоносная программа, блокирующая работу компьютера, и требующая перечисления денег злоумышленникам за восстановление его работоспособности.

«Пациенту проводится в течение суток интенсивная инфузионная терапия препаратами уменьшающими отёк головного мозга, а также стабилизирующими показатели гемодинамики».

«Можно определить как травматическую кому третьей степени?»

«Скорее всего, так и есть».

Полина замерла от ужаса. На койке, находясь в коме, лежал Игорь. Какое-то время она просто смотрела на экран. Из её глаз потекли слёзы, руки задрожали. Полине казалось, что сейчас она взорвётся от чудовищного внутреннего напряжения.

«Только не делай резких движений, – вновь напомнил о себе Инвайдер. – Он сейчас в безопасности… пока в безопасности. Врачи ещё толком не знают, что там с ним происходит, но я могу тебя заверить: жить пока будет».

Полина коснулась клавиатуры, пальцы её дрожали:

«Какая же ты сволочь!»

«Спокойно, спокойно, без эмоций, – изображение пропало, и браузер печально объявил о потере сигнала. – Его жизнь только в твоих руках. Чтобы спасти её, ты должна ответить мне на вопрос! Ответить! Сама! Поэтому я даю тебе последний шанс! Слушай меня!»

Полине захотелось взять в руки ноутбук и швырнуть его из окна, чтобы он разлетелся на куски, на кусочки, на атомы! Чтобы вместе с ним разлетелся на части и этот мучитель, поселившийся в её жизни.

Однако, глубоко дыша, она осталась сидеть на месте. Руки её не двигались, зависнув над клавиатурой.

«Слушай меня, – повторил Инвайдер. – Сегодня ровно в тринадцать сорок пять ты должна снять трубку таксофона на Пречистенском переулке. Он не длинный, таксофон найдёшь быстро. В это время там никого не будет, аппарат окажется свободным. Никаких кнопок нажимать не надо! Просто сними трубку и внимательно слушай разговор. Он произойдёт на самом деле в это же самое время. Это – четвёртый ключ, твой последний шанс, дальше уже некуда! После этого ты должна ответить мне на поставленный вопрос: что объединяет эти четыре истории. Если ответишь, то первая печать откроется. И помни: четыре ключа для неё – предел! Если провалишь этот шанс, твой Игорь умрёт! И не ходи больше по этой ссылке, она не работает, это была разовая демонстрация».

Контакт Инвайдера погас.

Что делать, когда тебя загоняют в угол, все выходы из которого заведомо не годятся? Полина никогда не представляла себе, что сможет попасть в подобную паутину, когда противостоять преступнику хотя и возможно, но цена у такого противостояния ставит это самое противостояние под сомнение.

Идея обращаться в милицию Полину не привлекала, поскольку откроется её роман. Артём со своими «чеченцами», конечно, тоже сила, но в данном случае – самоубийственная. Разумеется, существуют частные детективы, но где взять на них деньги? К тому же Полина не представляла себе, как всё это работает, куда надо идти, что говорить. Да, интернет, конечно, поможет, но что дальше? А главное, где взять денег? «Папа, дай денежек на частного детектива, мне нужно спасти своего любовника из лап маньяка». Угу, ничего более нелепого и придумать нельзя. Нет, нет, всё это не годится…

Потом, не факт, что эта камера реальна. Во-первых, как могло оказаться, что она установлена в палате? Кем? Ну, предположим, что спецслужбами, они, как говорит Артём, могут всё. Допустим… А если, нет? Если эта палата – декорации, сестра, доктор и пациент – актёры? Ведь по лицу трудно было определить Игоря, при такой степени сжатия видео не поймёшь. Но, а если на самом деле? Нет, рисковать нельзя.

Взгляд Полины наткнулся на Piggy. exe.

«А ведь это же хакер, – пронеслось у неё в голове. – Может, попросить его помочь мне? Но что он может? Определить IP[6] негодяя по его номеру? Или это невозможно? Ну, хорошо, определит, а дальше что? А дальше уже будет, с чем идти к детективу».

Сказано, сделано. Полина быстро напечатала сообщение:

«Боря, привет! У меня к тебе дело на миллион баксов. Ты можешь установить что-нибудь о человеке по номеру его „аськи“?»

Боря, он же Piggy. exe, ответил быстро:

«Ну… Много, чего можно. Всё зависит от навыка ищущего и сложности защиты того, кого ищут. Если без лишней философии… А зачем тебе?»

Полина ненавидела такую манеру общения. Но сейчас – не время разбираться с культурой речи.

«Есть один номер. Я хочу, чтобы ты узнал, где живёт этот человек. Откуда он пишет. Вообще, как можно больше информации. Сделаешь?»

«Не знаю, если время свободное будет… А ты так поищи, наверняка, где-то засвечен».

Полине ещё не пришло в голову просто поискать номер Инвайдера через поисковики, но, едва решившись это сделать, она сразу поняла, что это бессмысленно.

«Ничего не находится» – соврала она.

«Ну, ладно, давай номер… Но я не гарантирую ничего».

Полина отправила Борису номер. Может быть, он сможет что-то сделать.

Борис трудился на благо безопасности Родины. О своей работе он не распространялся, говорил лишь, что числится в каком-то отделе по сбору информации на десятых ролях. Официально он в структуре не состоял, да и вообще, с органами связывать свою жизнь не хотел. Отличное знание компьютерных технологий и навыки хакера сулили ему сладкую жизнь. Но как-то раз он совершил серьёзный промах.

Попался Борис поистине театрально. В октябре 2008-го года он написал простенькую условно-бесплатную программку, которая генерировала понятные логины и сложные пароли, всячески её разрекламировал на сайте, посвящённом утилитам подобного рода. Программа быстро разошлась и была использована всеми желающими для создания сложных паролей, на взлом которых у злоумышленников могли бы уйти месяцы, если не годы. Кроме того, на что и был расчёт Бориса, её решил выкупить некий фонд, имеющий множество внешних аккаунтов в интернете, которые и необходимо было максимально защитить.

Но Борис был не так прост! В программе он использовал чрезвычайно сложный и запутанный алгоритм, который даже для пытливого исследователя выглядел как генератор случайных символов, основанный на принципе белого шума. Более того, хитрый Борис в начале генерирования «рекомендовал» сгенерировать и логин, мол, это повышало индивидуальность соотношения связки логин/пароль, и взломать такую связку будет сложнее, нежели в случае, если логин будет придуман самим пользователем (якобы исключался человеческий фактор). Борис даже вставил опцию «ввести логин самостоятельно на свой страх и риск», чем заметно понизил подозрения доверчивых пользователей.

Однако, начиная сложный процесс генерирования пароля, программа попросту делала вид. На самом деле она в итоге выдавала конкретную символьную строку лишь из тысячи возможных сгенерироваться по данному алгоритму. В него же изначально был заложен и один из тысячи логинов, так же любезно предложенных Борисом. В результате пользователь получал вместо абстрактного логина и абсолютной бессмыслицы-пароля, логин и бессмыслицу-пароль, прекрасно известные автору программы…

[6] Маршрутизируемый протокол сетевого уровня стека TCP/IP. Как правило, под этим понятием понимают сетевой адрес конкретного пользователя, что не всегда верно.

Наконец, когда все аккаунты участников фонда были «надежно защищены», Борис приступил ко второй стадии своего замысла. Он зашёл на сайт фонда и, используя простой скрипт, начал автоматически перебирать все связки «логин/пароль», которые могли бы быть порождены на свет генератором его программы. На удивление он оказался быстрее администраторов, обслуживающих электронные ресурсы фонда (не удосужившихся даже сделать проверку на количество запросов в единицу времени), и добрался до его счетов раньше.

Вычислили хакера нескоро, проанализировав сперва все переводы денег со счетов его жертв, по многочисленным интернет кошелькам. Когда же он попался, то оперативники были изрядно удивлены его талантом и поразились доверчивости владельцев фонда: своровать два миллиона американских долларов таким примитивным способом – событие нечастое. Борису светил немалый срок и, как выяснилось, личная месть от хозяев фонда, оказавшегося каким-то криминальным «общаком». Поэтому Борис, не раздумывая, выбрал сотрудничество со спецслужбами, где и применял теперь свой талант по полной, так сказать, программе. Впрочем, впоследствии он не жалел, единственное, что его напрягало – это постоянный контроль над своим языком.

Полина познакомилась с ним совершенно случайно на одном из сетевых форумов. Они долго переписывались и один раз встретились. Борис оказался немного замкнутым и стеснительным молодым человеком, но его познания в компьютерных областях показались Полине колоссальными. Он рассказал ей, что участвовал во взломе нескольких крупных сайтов, о которых даже говорили по телевизору. И ещё о том, что был лично знаком с неким Столлманом (кто это такой, Полина не запомнила).

Работал Борис в офисе в районе метро «Цветной бульвар». Он с гордостью говорил, что он единственный в здании, кому дозволено иметь выход в интернет.

И сейчас Полина надеялась, что этот тайный боец, этот крутой хакер, работающий на могущественную организацию, поможет ей.

«Чего надо-то? Билеты, отдать? Ох… Дай подумаю… Ну, давай… Давай в двенадцать в районе Арбата, что ли…» – это нашла в себе силы ответить Маша. Полина едва не забыла, что писала ей. Она глянула на карту Москвы, посчитав, сколько ей добираться от Арбата до Пречистенского переулка.

«Арбат? Хорошо. В двенадцать. Где именно?»

«Давай у Мака, где „Смоленская“».

«Хорошо, договорились».

Мария опоздала. Она появилась лишь в двенадцать двадцать, заставив Полину, и без того находящуюся на взводе, лишний раз понервничать. Мария выглядела как обычно: короткие рыжие волосы, выбритые виски, серая майка, коричневая жилетка, такого же цвета рюкзак, брюки в стиле хаки и кеды. На лице Марии отражалась печать тяжелейшего похмелья.

– Прости, дорогая, я после удара совсем никакая. Еле очухалась.

– После удара? Что случилось? – испугалась Полина, подумав, что и до Маши дотянулись лапы Инвайдера.

– Да это наш клуб так называется… Удар. Чего-то я перебрала… Сперва пиво пили, потом на мартини с водкой перешли, а потом ещё Адель шампунь заказала… Ох… Мы вдвоём со Салей отжигали часа два, прыгали… Страх и ужас! Пол утра у толчка провела. А эта тварь, Адель, меня ведь сигарету заставила выкурить, вот после неё и накрыло. Я никотин не переношу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.